

Джули Джордисон

ЭХО ПРОШЛОГО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Джули Джордисон

Эхо прошлого

«Автор»

2026

Джордисон Д.

Эхо прошлого / Д. Джордисон — «Автор», 2026

Мелисса потеряла всё: её салон на Манхэттене разорён, а долги душат. Её муж Дин, бывший офицер с тёмным прошлым, изо всех сил пытается помочь, но его отчаянные попытки лишь затягивают петлю на их шее. Единственный, кто протягивает руку помощи, — Брендон Вуд, успешный адвокат, бывший жених Мелиссы, человек, чья забота всегда имеет скрытую цену. Но чем дальше Мел принимает его помощь, тем яснее понимает: Брендон — не тот, кем кажется, и его истинные мотивы могут стоить ей не только брака, но и того, что для неё дороже собственной жизни.

© Джордисон Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	29
Глава 5	32
Глава 6	40
Глава 7	46
Глава 8	51
Глава 9	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Джули Джордисон

Эхо прошлого

От автора

Книга «Эхо прошлого» — третья часть захватывающего романа «Однажды в феврале», где любовь и страх — это две стороны одной монеты, и никто не знает, какая из них победит, пока не наступит последний час. В заключительной трилогии Мелиссе предстоит понять, что иногда самый большой враг — это не тот, кто угрожает тебе, а тот, кто обещает тебя спасти, протягивая руку и глядя в глаза с той искренностью, за которой прячется расчёт, и чем дольше ты принимаешь его помощь, тем глубже погружаешься в паутину, из которой, кажется, уже нет выхода. Ибо спаситель, чьи намерения были далеки от благородства, — самый опасный из всех, кого ты можешь встретить на своём пути, потому что он знает твои слабости, твои страхи, твои тайны, и использует их против тебя с расчётливой жестокостью, на которую способен только тот, кто однажды любил тебя и не простил.

Книга третья

Предупреждения:

Данное произведение является художественным вымыслом. Все персонажи, места действия, организации и события являются плодом воображения автора или используются вымышленным образом. Любое сходство с реальными людьми (живыми или умершими), настоящими событиями или локациями является абсолютно случайным. Мнения и поступки персонажей могут не совпадать с позицией автора. Книга содержит упоминания и сцены демонстрации алкогольной продукции и табачных изделий. Автор ни в коем случае не занимается их пропагандой, не одобряет их употребление и напоминает: курение и чрезмерное употребление алкоголя вредят вашему здоровью.

Информация в книге носит исключительно ознакомительный характер и не является заменой профессиональной консультации (медицинской, юридической, финансовой). Автор не несет ответственности за любые последствия, возникшие в результате применения советов из этой книги.

Глава 1

МЕЛИССА АРМСТРОНГ

На кладбище разливалась редкая тишина, которая возникала лишь там, где время текло иначе, замедляясь среди рядов надгробий, и где смерть переставала быть философским понятием или далёким страхом, превращаясь в нечто удивительно реальное, присутствовавшее в каждой выцветшей надписи, в каждом порыве ветра, шелестевшего между могилами.

Это был второй траур в моей жизни. Первым стала смерть любимой подруги Джейн, с которой мы делили всё: от школьных секретов до взрослых бед, от первой любви до горьких потерь. Пять лет назад она погибла в автокатастрофе вместе со своим мужем Алексом, который был другом Дина ещё со времён службы в USN. Эта потеря была слишком болезненной для меня, и я не понимала, за что жизнь так меня наказывает.

Мы прибыли сюда из церкви, где прошла сдержанная служба, как и всё в жизни миссис Вуд: ни лишних слёз, ни лишних слов. Здесь, среди старых деревьев и ровных рядов надгробий, процессия чёрных автомобилей выстроилась вдоль узкой асфальтовой дороги. Гости покидали тёплые салоны с невольной медлительностью, будто каждый надеялся выиграть ещё несколько драгоценных минут перед неизбежным прощанием.

Гроб покоился у края могилы, накрытый белым покрывалом, который выделялся среди чёрных одежд почти неестественным пятном света. Время от времени ветер касался ткани, заставляя её едва заметно колыхаться, отчего зрелище становилось ещё тревожнее, словно сама смерть на мгновение начинала дышать.

Священник держал в руках Библию, и его голос, размеренный и спокойный, растворялся в сыром кладбищенском воздухе. Слова о милосердии, спасении и вечной жизни проходили мимо сознания, не задерживаясь в памяти. Я ловила лишь ровную, почти убаюкивающую, интонацию, похожую на далёкий шум дождя за окном, который переставала замечать уже через несколько минут.

Когда пастор умолк, несколько человек подошли к краю могилы, и гроб начал медленно опускаться вниз. Всё происходило почти бесшумно. Лишь едва слышно поскрипывали тросы да шелестел ветер в кронах деревьев. Белый покров постепенно уходил из поля зрения, исчезая в тёмном прямоугольнике земли, пока от него не осталось ничего, кроме воспоминания о ярком пятне среди траурной черноты.

В такие мгновения всё вокруг словно замирало. Люди переставали двигаться, разговоры смолкали сами собой, и даже невидимый воздух как будто становился плотнее. Я смотрела на могилу и неожиданно поймала себя на мысли, что всё, что когда-то казалось важным — обиды, взаимная неприязнь, неловкие разговоры и колкие взгляды, — теперь выглядело удивительно мелким.

Миссис Вуд никогда меня не любила. Впрочем, и я не испытывала к ней особой симпатии. Между нами всегда существовала дистанция, которую ни одна из нас в свое время не пыталась сократить. Она была безупречно вежлива, внимательна ровно настолько, насколько требовали приличия, но за этой безукоризненной любезностью неизменно всегда чувствовалось что-то холодное и настороженное. И я отвечала ей тем же.

Но сейчас, стоя среди замерших людей и глядя на свежевырытую могилу, я вдруг поняла, что всё это утратило смысл. Здесь больше не было женщины, с которой у меня прежде не сложились отношения. Была мать. Просто мать человека, который в прошлом держал моё сердце в своих ладонях, пока я верила, что люблю его. И этот человек сейчас стоял у самого края

могилы — неподвижный и прямой, словно держался исключительно силой воли, пытаюсь сдерживать рвущееся наружу горе.

Когда церемония подошла к концу, люди начали по одному подходить к могиле. Кто-то бросал вниз цветы, кто-то — небольшую горсть земли, словно пытаясь этим последним жестом сказать то, что не успел при жизни. Очередь двигалась медленно, и вскоре я тоже оказалась у самого края. Несколько секунд я смотрела вниз, на гроб, едва различимый в глубине могилы, а затем разжала пальцы. Алая роза выскользнула из моей руки и, описав короткую дугу, опустилась вниз. Она глухо коснулась крышки гроба и осталась лежать там среди других цветов.

Я отступила назад.

Ветер качнул верхушки деревьев. За спиной кто-то тихо плакал. Кто-то негромко произносил слова поддержки, на которые, вероятно, никто по-настоящему не обращал внимания, ведь скорбь редко поддавалась утешению в день похорон. Все эти звуки смешивались в один ровный, неразборчивый шум, словно заполняя собой всё пространство вокруг и лишь подчёркивая простую, жестокую истину: жизнь уже продолжала идти своим чередом, но для одного человека она закончилась навсегда.

— Брендон, как ты?.. — спросила я тихо, почти шёпотом, подходя к нему сзади и осторожно кладя ладонь ему на плечо.

Вуд не сразу ответил. Пальцы машинально легли на переносицу, словно это одно привычное движение могло хоть ненадолго приглушить боль, намертво вьёвшуюся в сознание. Когда он обернулся, я увидела его глаза. Они были потухшие, усталые, с выжженной пустотой.

— Я не знаю, что тебе сказать... — произнёс он наконец, и голос его прозвучал глухо и устало, будто из-под земли. — До сих пор не могу поверить, что матери больше нет.

Он замолчал на несколько секунд, глядя куда-то мимо меня.

— Причиной смерти стал обширный инфаркт. Возможно, она чувствовала недомогание последние месяцы, но, как обычно, никому ничего не говорила и отмахивалась от любых разговоров о врачах. А теперь уже поздно. Теперь уже ничего не сделать...

Мой взгляд неотрывно скользил по его лицу, замечая едва заметную дрожь челюсти и окаменевшие мышцы. Было очевидно, что его самообладание держится на волоске. Смотреть на эту немую борьбу оказалось невыносимее, чем если бы он разрыдался. Я шагнула к нему и молча обняла. Слова были не нужны, только живое тепло могло пробиться сквозь его глухую скорбь. На секунду Вуд застыл, а затем порывисто ответил на объятие, сжав мои ладони с судорожной, неистовой силой.

— Не надо, Мел... Я в порядке... — пробормотал он, качая головой, но руки не отпускал.

— Я помню момент, когда мы еще были с тобой вместе... Ты позвонил мне и сообщил, что она в больнице с сердечным приступом. Ведь уже тогда врачи должны были что-то делать, провести медицинское обследование, разве не так?

Брендон опустил взгляд, будто искал ответ где-то среди травы под ногами.

— Я не знаю, Мел. Да и что теперь говорить. Всё равно её уже не вернуть...

Он резко втянул воздух, словно пытался удержать себя от того, чтобы не сорваться.

Я молчала и просто стояла рядом, чувствуя, как апрельский ветер перебирает мои волосы, и всё яснее понимала одну жестокую истину: смерть всегда приходит как незванный гость, к встрече с которым невозможно подготовиться. Она обрывает разговоры на полуслове, оставляет после себя недосказанности и сожаления, сжимает сердце так сильно, что в груди становится невыносимо тесно. И, пожалуй, самое страшное в ней — её внезапность. Она никогда не предупреждает о своём приходе, не даёт времени собраться с мыслями, не спрашивает, готов ли ты отпустить человека, который ещё секунду назад был рядом. Именно поэтому жизнь кажется такой хрупкой и такой бесценной, напоминая, как важно успеть сказать самые главные слова, обнять любимого человека чуть крепче, задержать его взгляд хотя бы ещё на одно мгновение, пока он всё ещё здесь, пока ещё не стало слишком поздно.

— Господи... Её улыбка... Она всё ещё перед глазами... Боже... Мама... Ну как же так... — внезапно его слова вырвались почти шёпотом. И в них была вся боль, которую он так отчаянно пытался сдержать. Я не выдержала и все же приобняла Брендона, чувствуя, как его плечи на мгновение дрогнули.

— Давай, Мел, иди к машине, — сказал он, выпрямляясь и делая глубокий вдох, будто собирая себя по частям. — Люди ждут только нас с тобой.

Мы направились к его новому чёрному «Лексусу», припаркованному у кладбищенских ворот, и всю дорогу в салоне стояла почти мертвая тишина. За рулем находился его водитель Томас, а мы с Брендоном разместились на заднем сидении. Вуд выглядел человеком, запертым в собственном теле, и он то оттягивал воротник чёрной рубашки, то ослаблял галстук, словно ткань душила его и не давала сделать полноценный вдох. Его пустой взгляд не выражал практически ничего, только глубокая опустошённость, заставлявшая содрогаться от холода даже меня. Я внимательно наблюдала за напрягшимися на его лице мышцами, отмечая, как заострились его скулы, и как сильно побелели его плотно сжатые губы.

Я приоткрыла тонированное окно, надеясь разбавить утренним апрельским ветром этот тяжёлый воздух, и Вуд, почувствовавший легкий сквозняк, чуть повернул голову ко мне.

— Спасибо... — тихо произнёс он. — Я настолько застрял в своих мыслях, что даже не в силах был попросить Томаса открыть окно или включить кондиционер.

— Ничего. Я всё понимаю, — ответила я, переплетая пальцы, будто пытаюсь согреть ими собственное волнение.

Вуд кивнул.

— И спасибо, что пришла на похороны, — добавил он мягким, почти хрупким голосом. — Для меня это было очень важно, Мел. — Он сделал короткую паузу, словно собираясь с силами, и перешел к другому разговору. — Чем ты сейчас занимаешься? Как, кстати, твоя мама после операции? Мы давно не созванивались с тобой...

Я отвернулась к окну, глядя на проплывающие мимо деревья, и на мгновение перенеслась назад в ту роковую ночь, разделившую мою жизнь на две неравные части. Это событие стало вторым сокрушительным ударом, обрушившимся на меня вслед за гибелью подруги Джейн.

Три года назад

Телефон зазвонил в два часа ночи. Я никогда не забуду этот резкий звук, разорвавший тишину нашей спальни на Парк-авеню 432, словно кто-то провёл лезвием по стеклу. Дин спал рядом, положив руку мне на талию, и я помню, как он вздрогнул, когда я села на кровати и схватила телефон. Номер был незнакомым, с длинным международным кодом, и в ту секунду, когда увидела этот номер на экране, внутри меня что-то оборвалось.

Голос в трубке говорил по-английски с сильным арабским акцентом — больница в Шарм-эш-Шейхе, экстренная госпитализация, несчастный случай у бассейна отеля. Моя мать всего несколько месяцев назад вышла на заслуженную пенсию и впервые за долгие годы позволила себе пожить для себя, отправившись к Красному морю, о котором мечтала едва ли не половину своей жизни. Но долгожданный отдых закончился трагедией. Она поскользнулась на мокром кафеле, потеряла равновесие и, падая навзничь, с силой ударилась спиной о бетонный бортик бассейна. Врачи подозревали тяжёлую травму позвоночника. Состояние оставалось стабильным, но тяжёлым. Требовалась срочная операция.

Помнила, как мои пальцы онемели, сжимая телефон. Помнила, как Дин, прогоняя остатки сна, сел рядом, пытаясь поймать мой взгляд, но я не могла смотреть на него — я могла только слушать этот бесстрастный голос, который говорил мне, что моя мать лежит в чужой стране, опутанная трубками и проводами, и не может шевелиться. Помню, как встала и начала ходить по спальне, не разбирая дороги, натываясь на мебель и разбросанные игрушки Бетани.

Я бросила в чемодан первые попавшиеся вещи, даже не глядя на них, и всё это время в моей голове стучала одна мысль: я не справлюсь одна. Я ничего не знала о египетской медицине, о транспортировке больных, о том, как найти лучшего хирурга в чужой стране. У меня не было связей, не было выхода, не было никого, кто бы мог мне в этой страшной ситуации помочь. Кроме одного человека.

Умывая лицо холодной водой в ванной, чтобы хоть как-то прийти в себя, Брендон ответил после второго гудка. Его голос был хриплым со сна, но когда я, захлёбываясь слезами и словами, попыталась объяснить, что случилось, он прервал меня на полуслове:

«Я всё понял. Жди меня в аэропорту Кеннеди через два часа. Мы вылетаем вместе, дочь оставь с Дином».

Никаких вопросов, никаких колебаний.

Дин уже набирал номер няни, чтобы попросить её остаться с Бет на несколько дней. Его голос был спокойным, но я знала этот тон, так он говорил только тогда, когда сам был на грани паники, но не позволял себе её показать, потому что кому-то из нас нужно было оставаться в трезвом уме.

— Никакой няни. Ты останешься с Бет! — выкрикнула я, и голос мой сорвался на рыдание, заметался по спальне, ударяясь о стены.

Дин при разговоре с няней застыл с телефоном в руке, а затем сбросил вызов.

— В смысле, Мел? Как ты собралась лететь одна в чужую страну? — Его голос всё ещё был спокойным, но я слышала, как внутри всё звенит от напряжения. — Ты не знаешь языка, не знаешь, как там всё устроено. Мы летим вместе и это не обсуждается.

— Нет, я уже позвонила Брендону. Он поможет с билетами, больницей и переводчиком. А это все, что мне сейчас в первую очередь нужно.

— А когда это ты уже успела внести его в семейный список?

— Ты сейчас серьёзно? — Я даже не обернулась, продолжая запихивать в чемодан кашемировый свитер, который в Египте мне точно не понадобится.

— Представь себе, да, Мел!

Наконец я подняла глаза и увидела его мрачное лицо. Дин смотрел на меня так, словно я только что заявила о своём намерении полететь на Луну в компании дьявола, и его челюсть сильно сжалась от подступившей ревности, заставив желваки отчетливо проступить на скулах. Имя Брендона, произнесённое мной секунду назад, повисло между нами, как неразорвавшийся снаряд.

— Брендон... — повторил он, выплюнув это имя будто грязную ругань. — Значит, ты хочешь лететь в Египет с Брендоном.

— Я хочу лететь туда с человеком, который знает, что делать! — Я захлопнула чемодан и выпрямилась, глядя ему прямо в глаза.

— Посмотри на меня, Дин. Посмотри! Я не знаю, как вызвать медицинский транспорт. Я не знаю, как договориться с египетскими врачами. Я даже не знаю, где в Шарм-эш-Шейхе находится больница и как туда добраться от аэропорта! Дин, — сказала я уже тихо, и голос мой перестал дрожать. — Послушай меня. Брендон знает многое. Он знает не один язык. И я не лечу с ним, потому что я ему доверяю больше, чем тебе. Я лечу с ним, потому что он может сделать то, чего не можем ни ты, ни я. Понимаешь? И если для этого мне придётся лететь с ним в одной кабине, я полечу, потому что сейчас речь идет о жизни моей матери.

Я отчётливо видела борющихся внутри него двоих людей, а именно: мужа, желавшего защитить свою жену, и человека, прекрасно понимавшего мою правоту. Его пальцы сильно побелели, судорожно сжимая смартфон, и на его виске непрерывно пульсировала тонкая жилка. Дин недовольно приоткрыл рот для какого-то возражения, но я прервала его попытку высказаться.

— Ты останешься с Бет. Она не должна просыпаться в пустом доме с няней - чужим человеком, ей всего три года. Она не должна знать, что бабушка в больнице, а мама улетела в другую страну. Ты возьмешь выходные, сделаешь ей завтрак, и скажешь, что мама уехала по работе. Всё. Это твоя задача на несколько дней. А моя задача сейчас — спасти маму. Прошу тебя, любимый, так будет гораздо быстрее, — наконец выдохнула я, глядя на него почти умоляющим взглядом.

Он очень медленно опустил телефон на стоявшую рядом прикроватную тумбочку, а затем подошёл ко мне вплотную, нежно взяв моё лицо в свои ладони, и сразу же заставил меня посмотреть в его наполнившиеся скрытой тревогой глаза.

— Ладно, хорошо, Мел, пусть будет так, как хочешь ты, — ответил он тихим надломленным голосом, полным звенящего отчаяния, мгновенно отозвавшегося глухой болью в моей груди, и сразу добавил: — Но если Вуд хоть пальцем к тебе прикоснется...

— Перестань, прошу тебя, речь сейчас идет только о моей маме, — прошептала я. — Я позвоню тебе. И... оставь уже свою ревность, любимый.

Он неохотно отпустил меня. Я, поцеловав на прощание Дина, схватила чемодан и выбежала в коридор, прижимая телефон к уху, вызывая такси до аэропорта. Пока машина мчалась в Кеннеди, я смотрела в тёмное окно на спящий Нью-Йорк и думала о том, как только что оставила мужа одного с дочерью, а сама лечу на другой конец света с человеком, которого он ненавидит. Но по-другому не могла.

В аэропорту Вуд уже ждал меня с билетами бизнес-класса. Прямой рейс до Каира, а оттуда внутренним до Шарм-эш-Шейха. Я не спрашивала, как ему удалось организовать всё за два часа посреди ночи. Я просто взяла билет, сжала его в руке и пошла на посадку, чувствуя, как его присутствие за моей спиной держит меня на ногах. В самолёте я сидела, прижавшись лбом к холодному иллюминатору, и молчала, глядя в темноту, а он сидел рядом и ничего не говорил, только один раз заказал мне чай с бергамотом, который я любила, и подвинул чашку ближе, даже не спрашивая, хочу ли я пить.

Переступив порог палаты, я застыла, чувствуя, как весь воздух разом покидает лёгкие. Передо мной лежала моя мать — сильная, неунывающая, вечно хлопочущая женщина, которая ещё неделю назад смеялась в телефонную трубку, обещая привезти Бетани ракушки с Красного моря, а теперь неподвижно лежала на больничной койке, опутанная трубками и проводами. Она не могла пошевелиться. Совсем. Руки безвольно лежали вдоль тела, ноги неподвижно покоились под тонкой белой простыней, и лишь глаза — такие же, как у меня, метнулись навстречу, наполняясь одновременно болью, страхом и отчаянным облегчением.

— Мама, — прошептала я, бросаясь к постели и хватая её холодную, безвольную ладонь. Она не могла ответить мне пожатием. Не могла пошевелить пальцами. Слёзы текли по её щекам, и это было единственное, что ей ещё подчинялось.

Позже, когда мне удалось хоть немного прийти в себя, нас с Бренденом пригласили в кабинет главного врача. Доктор - немолодой мужчина с усталыми глазами и сильным арабским акцентом — говорил медленно, тщательно подбирая английские слова, словно боялся, что одна неверно произнесённая фраза способна сделать происходящее ещё страшнее. Он объяснил, что при падении мама получила тяжёлый перелом пятого шейного позвонка: от удара о бетонный бортик бассейна кость раздробилась, а её фрагменты сместились в позвоночный канал, вызвав сдавление спинного мозга. Именно это и стало причиной того, что она полностью утратила возможность двигаться. Экстренную операцию провели ещё до нашего прилёта. По словам врача, хирургам удалось устранить сдавление спинного мозга, удалить опасные костные фрагменты и стабилизировать повреждённый участок позвоночника. Операция прошла

успешно, однако впереди маму ожидали долгие месяцы реабилитации. Доктор говорил что-то ещё о нейропластичности, о том, что окончательные прогнозы сейчас давать слишком рано, о специализированных реабилитационных центрах в Европе, где ей смогут обеспечить необходимое лечение, но его голос постепенно превратился для меня в глухой, неразборчивый шум.

Я смотрела на маму, на её неподвижное тело, и внутри меня, вытесняя страх, отчетливо росла решимость.

— Ты будешь ходить, — прошептала я, прижимая её ладонь к своей щеке, когда мы вернулись в палату. — Слышишь, мама? Ты снова встанешь на ноги. Я обещаю тебе. Я всё для этого сделаю. Всё.

Она медленно моргнула, словно сил на это простое движение уходило больше, чем у меня на все мои клятвы. Но я знала, что она меня поняла. И знала, что сдержу слово. Чего бы мне это ни стоило.

Только потом, когда первый шок схлынул, я начала понимать, каким чудом операция вообще состоялась. Брендон, ещё там, в Нью-Йорке, пока я металась по спальне и швыряла вещи в чемодан, уже связался с больницей. Он говорил с администрацией, с хирургами, с финансовым отделом на «своём языке», который понимают в любой стране, если у тебя есть связи и крупные деньги на счетах. Он гарантировал оплату из своего кармана ещё до того, как мы сели в самолёт. Именно поэтому маму взяли на операционный стол экстренно, не дожидаясь ни моего приезда, ни страховых подтверждений. Я узнала об этом много позже, и тогда у меня не было сил даже на благодарность. Я просто запомнила.

А потом, через несколько часов после нашего прилёта, администратор принёс мне папку со счетами. Экстренная нейрохирургия, установка металлоконструкции для фиксации позвонков, двухнедельное пребывание в реанимации — суммы уже были оплачены Брендоном, и от этих цифр у меня зарябило в глазах. Но самое страшное было впереди: счета за реабилитацию. Специализированная клиника в Женеве, физиотерапевты, оборудование, медикаменты, и цена от которой у меня подкосились ноги. Страховка покрывала лишь малую часть. Остальное — лавина, которая должна была обрушиться на меня и похоронить под собой.

Брендон стоял рядом в коридоре, когда я перебирала эти бумаги дрожащими пальцами, и слышала, как он дышит за моей спиной, так ровно и спокойно, словно ничего катастрофического не происходило. А потом он сказал, как ни в чем не бывало:

«Я оплачу всё. Назови любую сумму, Мел».

Я помню, как подняла на него глаза. Помню его серьёзное, сосредоточенное лицо, без тени сомнения. Он действительно был готов выписать чек на любую сумму. И в этом была вся суть Вуда — он решал проблемы деньгами и связями, как другие решают их временем и терпением. Но я не могла принять это. Не после всего, что между нами было. Не после того, как когда-то бросила его ради Дина и знала, что он так и не простил меня до конца, даже если никогда не говорил об этом вслух. Взять у него деньги означало бы признать, что я всё ещё нуждаюсь в нём, что моя жизнь — чередой ошибок, которые он великодушно исправляет.

— Я сказала нет, — повторила я. — Но прошу о другом. Помогите мне продать квартиру. Быстро. Без лишних вопросов. Без бюрократии. Просто помогите найти покупателя и оформить сделку. Это всё, о чём тебя прошу.

Он нахмурился, и я видела, как в его глазах мелькнуло что-то похожее на протест, но я продолжила, не давая ему возразить: «Квартиру на Парк-авеню, 432. Я хочу продать её. Быстро, без долгих ожиданий. Найди покупателя, помоги оформить сделку. Остальное я сделаю сама и также верну тебе деньги за оплаченную операцию и перелет».

Брендон долго смотрел на меня, и я чувствовала, как в воздухе между нами повисает что-то невысказанное, чего ни он, ни я не могли облечь в слова. А потом он кивнул. Меньше чем через неделю квартира была продана. Рано или поздно её пришлось бы продать, так как, учитывая наше с Дином материальное положение, квартира обходилась по счетам очень дорого.

Вуд выставил объект через аффилированного покупателя по заниженной цене. В итоге срочность съела две трети стоимости, это, конечно, огорчало, но ждать я долго не могла. Мне дорога была каждая минута. Я была согласна на все.

Покупатель, документы, подписи — всё прошло быстро и гладко. Деньги ушли на счета клиники, и моя мать уже спустя четыре месяца начала медленно, дюйм за дюймом, возвращаться к жизни в лучшей реабилитационной клинике Швейцарии. Она сообщала мне о своём состоянии каждый вечер, одновременно ругая, что я продала квартиру, чего и следовало ожидать. Однако это уже было не важно, а важно то, что она не прикована к постели и может жить полноценной жизнью. А мы переехали в Квинс, в небольшую квартиру над корейской булочной, где по вечерам пахло жареным кунжутом и где Бет засыпала под мурлыканье соседского пушистого кота. И не жалела. Рано или поздно продажа высотки должна была случиться, но я не думала, что таким образом, когда родной тебе человек может лишиться здоровья.

— Мел? Ты меня слышишь? — переспросил Брендон и его голос выдернул меня из того кошмара в реальность.

Я открыла глаза. За окном машины всё так же по обочинам дороги проплывали деревья, а Брендон ожидал ответа.

— Да, мама полностью восстановилась, как будто ничего и не было. Почти.

— Я очень рад, и все же, мне кажется, что зря ты продала такую квартиру, ведь я предлагал тебе сумму...

— Не надо, ты и так сделал для меня уже слишком много. И мама сделала бы для меня то же самое, что и я для нее. Так что... — я глубоко вздохнула, прогоняя остатки слез, — я не жалею. Это просто стены. А мама — это мама. И потом на остаточные средства я открыла салон, теперь у меня есть достойный заработок уже как три года, и в дальнейшем, разумеется, планирую приобрести квартиру куда гораздо лучше, а еще мечтаю о том дне, когда наконец смогу делегировать часть обязанностей и проводить с Бетани больше времени, а не урывками, не между делом, а по-настоящему.

Он слегка повернул голову, будто пытаясь уловить в моём рассказе нечто большее.

— Как здорово. Я даже не знал. И что, теперь ты третий год полноценная владелица салона?

— Да, только когда рассчитаюсь за взятое в кредит помещение на Западной Сорок седьмой улице, тогда и буду считать его своим пристанищем, а пока что, я должница, и моя свобода стоит ровно столько, сколько осталось выплатить по кредиту.

— Ого, это же очень дорогой район, — оторопел он. — Что ж, все равно, ты невероятная женщина, Мелисса, — произнес он, и его голос, низкий и серьезный, заполнил все пространство между нами. — Самая сильная из всех, кого я знаю или знал.

Я покачала головой, но спорить не было сил.

— А Дин? — спросил он осторожно, но в его вопросе всё равно прозвучала напряжённая нота, которую я уловила сразу. — Чем он сейчас занимается?

Я опустила взгляд на колени, чувствуя, как пальцы сами собой сжимаются в замок. Мне всегда было трудно говорить о Дине с Брендоном, потому что любое упоминание о нём в этом контексте звучало как напоминание о том, что я когда-то сделала выбор, и этот выбор был не в пользу человека, сидящего сейчас рядом со мной.

Его интонация голоса была почти нейтральной, но я уловила ее. Ведь он спрашивал не просто из вежливости. Он будто бы искал ориентир. Пытался понять, где сейчас находился Дин в этой его «новой», изменившейся жизни. И, возможно, пытался понять, где находилась я.

— Он работает, — ответила я, стараясь говорить спокойно. — Просто... не так, как раньше. Ты же знаешь: после того случая ему навсегда закрыли путь в любую государственную службу. В полицию не возьмут, в охрану при госучреждениях тоже. Поэтому он делает то, куда берут людей с судимостью: ночные смены, разгрузка контейнеров в порту, склады без допуска. Да, я знаю, что это все не для него, но он держится. Нельзя стыдиться работы, какой бы она ни была.

Брендон бросил на меня короткий болезненный взгляд с горькой досадой.

— Ты сама знала, что так будет потом... Ну, я рад, что хотя бы ты приносишь хороший доход в семью...

Брендон резко нахмурился, будто что то внутри него щёлкнуло. Да. Между нами повисла правда о том, как легко рушится жизнь и как трудно её собрать обратно, но как бы там ни было, я нисколько не стыдилась своего мужа. Дин никогда не был человеком, который позволил бы себе сидеть сложа руки. Да, он мог не работать, а проводить время с Бетани, учитывая, какие неплохие деньги на данный момент зарабатывала я, но он бы никогда себе этого не позволил. Я понимала эту истину так же ясно, как знала собственное имя, ведь данный вопрос лежал вне финансовой плоскости. Речь шла о его внутренней планке, о его суровом характере и о тех строгих жизненных ориентирах, которым он следовал всегда, даже когда суровая реальность ломала ему хребет.

Я повернула голову к Брендону, чувствуя, как внутри поднимается ударная волна, которую я больше не могла сдерживать:

— Послушай, Брен... Да, когда-то Дин служил в элитных войсках в Саратог-Спрингс. Имел звание, громкое имя, уважение и превосходную репутацию. А теперь таскает ящики за двадцать баксов в час. Но не будем забывать, почему так получилось. Если бы не его брат Кристофер, то карьера Дина блистала бы сейчас так же ярко, как твой новенький «Лексус»!

— Он мог его не убивать, а просто сообщить в полицию, и тогда бы Дин остался при своем военном имени, репутации и звании, продолжая службу в USN. Но, он сделал то, что сделал, а ты попросила спасти его свободу... И я спас.

Да, я попросила Брендона спасти его свободу, потому что любила Дина больше жизни, больше страха, больше стыда, и я готова была умолять его, стоять на коленях, унижаться — что угодно, — лишь бы Дин не оказался за решеткой на очень много лет за то, что однажды защитил меня.

Я отвела взгляд к окну. Да, Вуд был прав и безжалостен в своей правоте, и это была правда, от которой не убежишь, как не убежишь от собственного прошлого. И теперь, мне казалось, что этот долг висел между нами, невыплаченный и, возможно, невыплачиваемый никогда, просто Брендон об этом не говорил и не скажет.

— Ладно, всё, Мел, — сказал он, смягчаясь. — Не будем об этом.

Томас свернул на знакомую улицу, и у меня внутри что-то болезненно кольнуло, ведь я не была здесь со дня нашего разрыва, и теперь, когда мы подъезжали к особняку Вуда, меня накрыло странное чувство, будто я возвращаюсь в место, которое когда-то знала, но которое уже давно перестало быть моим.

— Сколько уже твоей дочери? — спросил он, будто пытаюсь переключить разговор на что-то нейтральное. — Должно быть где-то уже... пять? Шесть?

— Бетани шесть.

— Не зря говорят, что чужие дети растут быстро...

— Я сама не успела глазом моргнуть, как моя кроха уже начала бегать, — глубоко вздохнула я, с улыбкой вспоминая, как еще совсем недавно держала Бетани младенцем на руках.

— Скоро лето, наверняка вы уже планируете какую-нибудь семейную поездку?

— О, нет, Брендон. Пока не до этого, — нахмурилась я. — Но моя мама этим летом заберет её к себе в Лос-Анджелес. Как ни крути скучно ей одной дома на пенсии. А Бетани

полюбила этот город еще в прошлом году, когда мы навещали маму, и теперь постоянно спрашивает: «Когда мы ещё полетим к бабушке?» А я... я просто не успеваю дать ей то лето, которое она заслуживает. Мама хочет помочь мне, чтобы я не сгорела на работе, чтобы Бетани получила яркие детские впечатления, пока твердо ставлю салон на ноги.

Он кивнул, и я увидела в его глазах какую-то смесь понимания и одиночества, которая преследовала его с того самого дня, как мы расстались.

— Ты слишком много тащишь на себе, — сказал он тихо. — Но я очень рад, что у тебя есть такая поддержка от матери, как и рад, что с ней все хорошо.

— А у тебя как дела? — тихо спросила я.

— Никак. — Он горько усмехнулся. — В моём доме после смерти матери теперь пусто. Кроме наружной охраны. Даже не знаю, как я буду там находиться один, кто будет поддерживать порядок в таком огромном доме. Раньше всем этим любила заниматься мать, а теперь... не знаю, наверное, найму себе горничную.

— Почему бы и нет? — осторожно предложила я. — Она будет поддерживать дом, следить за порядком, готовить, а может, в дальнейшем вы...

— О, нет, — перебил он, сразу поняв, куда клоню. — Никаких отношений, не сейчас. Мне просто будет достаточно живой души в доме. Не будь у тебя работы — с удовольствием предложил бы тебе.

— А то, что я замужем, тебя не смущает?

— А что, если женщина замужем, она не имеет права работать горничной? — Он усмехнулся и покачал головой. — Спать со мной не нужно, Мел. Всего лишь поддерживать порядок в доме. Тем более мы с тобой давно знакомы, а значит, никакой скованности, никаких формальных фраз. По-моему, было бы здорово.

— Извини, Брендон, но ничем помочь тебе здесь не могу.

— Я уже понял. И мне жаль. То есть, нет, я, конечно, рад, что у тебя свой салон, просто хотелось бы человека, которого я хотя бы как-то знаю.

— Но это буду не я. И потом, что бы на это сказал Дин?

— Какая разница, если бы я хорошо платил? Он-то уж точно бы не пошёл ко мне, даже садовником.

Я отчетливо почувствовала раздражение, внезапно закипавшее в моей груди и сокрушавшее мое прежнее спокойствие.

— Брендон, если тебя это всё как-то забавляет в плане финансового положения Дина, то думаю, что мне стоит выйти из авто и поймать такси до дома.

— Мел, извини, — он сразу сбавил тон. — Я ни в коем случае не хотел тебя обидеть. Прости. Конечно же, я подыщу себе кого-нибудь. Все, не бери в голову.

Я отвернулась к окну, но внутри меня уже всколыхнулось то, что я носила в себе годами, чувство вины, от которого невозможно избавиться до конца.

— Послушай, возможно, будет сказано совсем не к слову, но... разве ты забыл, как я тебя однажды обманула? А теперь, ты говоришь, как был бы не против, чтобы я у тебя работала?

Он не сразу ответил.

— Мел, что было, то было. К чему теперь это вспоминать? Зла я на тебя не держу, и ты давно уже должна это понять с тех пор, как я вытащил твоего Дина из тюрьмы.

— Да... Спасибо, Брендон... За все тебе спасибо...

— Не за что. Ты всегда можешь обратиться ко мне с любой проблемой, — ответил он, и я даже не заметила, как Томас уже парковал машину во дворе. — Я тебе не враг и никогда для тебя им не стану. Знай это, Мел, — Брендон окинул меня каким-то отрешённым взглядом и слегка задержал его на мне, а затем вышел из авто.

Когда я открыла пассажирскую дверь, Брендон уже подал мне руку спокойно, почти формально, но в этом жесте было что-то такое знакомое, отчего у меня на секунду сжалось сердце. Он тут же отпустил, будто боялся задержать меня дольше, чем позволено.

Перед домом шумел каскадный фонтан, раскинувшийся на большую часть двора и представлявший собой несколько ярусов широких чаш, по которым вода струилась ленивыми потоками. Солнечные лучи цеплялись за каждую каплю, разбиваясь на крошечные блики, и всё вокруг будто мерцало. Воздух во дворе был свежим, влажным с запахом чистой воды и камня.

— С тех пор здесь ничего не изменилось... — тихо проговорила я, все еще невольно рассматривая ухоженный двор.

— А к чему изменения, если я по натуре консерватор? Я доволен и благодарен всему, что у меня есть...

Газон вокруг фонтана был подстрижен до идеальной ровности, напоминая зелёный бархат. На нём нельзя было заметить ни одного сорняка и ни одной выбившейся травинки, поскольку всё вокруг выглядело выверенным и симметричным, но в этой педантичности было что то одинокое.

Перед глазами вновь выросли знакомые стены особняка, светлый фасад и огромные окна, в которых лениво покачивались отражения деревьев в саду. Я не была здесь с тех пор, как мы с Брендонем расстались, и теперь, когда мы шли бок о бок, меня накрыло странное чувство: будто возвращаюсь в дом, который когда то знала, но который уже давно перестал быть моим. Мы шли по каменной дорожке молча, и я чувствовала, как воздух становится гуще, пропитываясь запахом воды и нагретого солнцем камня.

— В доме будут только самые близкие, кто знал мою маму. Утром я нанял повара, к обеду он должен был уже все приготовить. Но мне кусок в горло не лезет. Вообще ничего не хочется, и если бы никого не было, честно, я бы просто напился до беспамятства...

В доме, кроме Брендона и его тетки, я никого не знала. Я находилась среди незнакомых людей, одетых в чёрное, сжимая бокал с прохладным белым вином, и чувствовала себя так, словно случайно попала на чужой семейный ужин, который оказался поминками. Ступни горели от каблуков, и спустя я час поняла, что больше не выдержу. Мне нужен воздух, нужна тишина, нужно хоть на минуту перестать изображать скорбь, которую на самом деле не испытывала.

Незаметно я вышла во двор, надеясь хоть немного выдохнуть и на время сбросить обувь. Присев на край фонтана, я с облегчением скинула с ног чёрные туфли на высоком каблуке, и пальцы сразу же благодарно разогнулись, будто я освободила их из тисков. Расстегнула пару пуговиц на блузке того же мрачного цвета, чувствуя, как тёплый воздух касается кожи.

Будь возможность — я бы и эту долбаную черную юбку задрала до неприличия. Но... миссис Вуд, наверное, дважды перевернулась бы в гробу, проклиная меня до конца моих дней за то, что я так бесстыдно осквернила её прощание.

Апрельское солнце после обеда в этот день неожиданно оказалось тёплым, а чёрная ткань одежды лишь сильнее удерживала его тепло, отчего мне вдруг захотелось опустить босые ноги в фонтан, который манил своей прохладной водой, тихим журчанием и россыпью солнечных бликов на поверхности.

Я рассматривала свой полупустой бокал, размышляя, стоит ли выпить немного еще, когда телефон внезапно зазвонил, будто это не звонок, а удар током прошёл по пальцам. Я едва успела поднести его к уху, прежде чем голос Дина разрезал воздух по ту сторону динамика.

— Да, любимый? — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя язык уже слегка заплетался, а голова приятно кружилась от выпитого вина и палящего солнца. К тому же я ничего так и не съела.

— Милая, ты уже дома?

— Ещё нет, — я постаралась вложить в эти слова как можно больше беззаботности, но вышло, кажется, не очень.

— Хм. — В его голосе мелькнуло напряжение, которое я узнавала мгновенно, даже сквозь шум фонтана и лёгкий гул в ушах. — Ты говорила, что прощальная церемония закончится к полудню... А уже... — Дин сделал короткую паузу, явно взглянув на часы. — А уже почти три часа дня...

Я прикрыла глаза и глубоко вдохнула, собираясь с мыслями, прежде чем ответить:

— Да, я знаю, просто Брендон попросил немного остаться.

Я тут же горько пожалела о неосторожно сказанных словах. Между нами повисла мертвая пауза. Дин не издавал ни единого звука, но я уже ощущала его гнев, закипавший и горевший внутри него настоящим пожаром.

— М... — протянул он, и я почти физически ощутила, как он сжал челюсть. — И когда я могу забрать тебя от бывшего жениха? Мел, долго это будет продолжаться?

— Дин, перестань, — попросила я, сделавшая отчаянную попытку говорить твёрдо. Мой голос предательски дрогнул, заставив меня почувствовать подкативший к горлу горький ком, возникший не то от сильной обиды, не то от этого проклятого вина. Я упрямо завершила свою речь: — Брендону ужасно плохо, он только что похоронил свою мать, и он всего лишь позвал меня к себе домой вместе с остальными гостями.

Мои слова вылетали гораздо быстрее, пресекая любые попытки здраво обдумать их, и где-то в глубине души я чётко осознавала его полное право на эту сильную злость. Он имел полное право ревновать меня и задавать сложные вопросы, не находившие у меня простых ответов, за исключением одного единственного факта, ведь я находилась в том месте исключительно по причине невозможности поступить иначе.

— А мне кажется, что ты единственная гостья из всех, кого бы он хотел видеть больше всех у себя дома, — ответил он резко похолодевшим тоном, заставившим каждое его слово бить меня подобно хлёсткой пощёчине.

— Прекрати сейчас же, — потребовала я, слегка покачнувшись от выпитого спиртного и от сверкающих бликов, поплывших перед моими глазами по воде. Я жалобно обратилась к мужу, потерявшая всякие силы для дальнейшего спора: — Прояви сочувствие, Дин, у него горе, я искренне прошу тебя, пожалуйста, милый.

В динамике телефона раздался тяжёлый выдох, оказавшийся долгим и мучительным. Этот звук был наполнен внутренней борьбой, происходившей в его душе каждый раз в моменты отчаянных попыток Дина обуздать свою ревность и не дать ей перерасти во что-то неуправляемое.

— Ладно. Прости, Мел. — Голос его заметно смягчился, и я услышала в нём усталую нежность, которая всегда возвращалась после вспышек гнева. — Просто... не каждый день слышишь, что твоя жена утешает бывшего жениха. Даже при таких обстоятельствах.

— Я его не утешаю, а просто поддерживаю, — прошептала я, почувствовав внезапно подступившие к глазам слёзы, которые выступили из-за нахлынувшего чувства облегчения и из-за искренней любви к этому невероятно сложному человеку, обладавшему способностью оставаться суровым и уязвимым в одну и ту же минуту.

— Не вижу разницы. Ладно. Я скоро приеду за тобой и тоже выражу соболезнования Брендону, хоть я его мать и не знал. Но это будет правильно. Ради тебя.

— Спасибо. До скорого, любимый, — ответила я с улыбкой и сбросив звонок, отправилась внутрь дома.

Мы разговаривали с пожилой тётушкой Брендона о чём-то незначашем, и вдруг я ощутила, как к лицу прилила кровь, а в висках застучало так, словно кто-то забивал гвозди прямо в череп.

— Что-то душно, — пробормотала я, мимо проходившего гостя, и сделала шаг к выходу в сад, надеясь, что свежий воздух приведёт меня в чувство, но ноги внезапно стали ватными, а мир вокруг начал терять очертания, расплываясь в одно сплошное серое пятно.

Я тяжело рухнула у фонтана с бокалом в руке, облиз блузку вином. Разум возвращался ко мне с большим трудом, собираясь из хаотичных обрывков чувств, среди которых я улавливала монотонный плеск воды, чей-то далёкий мужской крик и чьи-то крепкие руки, быстро подхватившие и спасавшие меня.

— Мелисса! — выкрикнул, кажется, Брендон. — Мел, что с тобой?

Я попыталась открыть глаза, но веки казались слишком тяжёлыми.

Глава 2

МЕЛИССА АРМСТРОНГ

Когда я снова открыла глаза, первым ощущением стала сухость в горле и тяжесть в голове. Под затылком была мягкая подушка, которая хранила запах дорожущего парфюма на ткани. Я осторожно приоткрыла веки и чьё-то тепло нежно согревало мою ладонь.

И в ту же секунду резко выдернула руку.

Брендон сидел рядом на краю постели, на которую он, по всей видимости, перенёс меня после внезапного обморока. Он находился слишком близко ко мне, и в тот миг мне казалось, что я физически ощущала исходившее от его тела тепло. Его взгляд был полностью наполнен тревогой. Он совсем не успел отпустить мою ладонь, явно не ожидавшего моего столь резкого возвращения в сознание.

— Мел... — произнёс он, почти сорвавшись на шёпот и спровоцировав у меня внезапный волнительный спазм в груди, после чего обеспокоенно уточнил: — Как ты?

Я моргнула, пытаюсь собрать мысли в кучу, которые разбегались, как испуганные рыбы, не желая складываться ни во что осмысленное. Щёки вспыхнули от стыда, от жара, от того, что я, хозяйка салона, мать, жена, позволила себе потерять сознание на глазах у всех этих людей, которые наверняка теперь шушукаются в гостиной, прикрывая рты чёрными кружевными платочками.

«Какой позор», — пронеслось в голове, и я бы усмехнулась, если бы не раскалывающиеся виски.

Едва я приподнялась на локтях, как в ту же секунду голова закружилась, а комната смазалась перед глазами, и Вуд инстинктивно протянул ко мне руки.

— Не вставай пока, — сказал он мягко, но в его голосе прозвучала все же уверенность, которую я помнила с тех времён, когда его слово ещё имело власть надо мной.

Он деликатно отвёл взгляд, будто сознательно давая мне необходимое личное пространство, однако я отчётливо видела его руку, всё ещё висевшую в воздухе и готовую мгновенно подхватить меня в случае новой потери равновесия. И в этот самый миг, глядя на его напряжённые плечи, на тёмные тени под глазами и на его статичную фигуру, я вдруг ясно осознала пугающую вещь, заставившую моё сердце пропустить удар. Брендон действительно не отходил от меня ни на одну секунду, пока остальные приглашённые гости, вероятно, увлечённо обсуждали лучшие достоинства сына покойной миссис Вуд.

— Мелисса, я отнёс тебя в спальню и вызвал своего доктора, — его голос оставался низким и спокойным, но я всё же услышала едва заметную дрожь, которую он так отчаянно пытался скрыть. — Он осмотрел тебя и сказал, что это был вазовагальный обморок. Тебе нужно полежать, потому что если ты попытается резко встать в первые 15–30 минут, то тут же упадёшь в обморок повторно.

Я нахмурилась, пытаюсь понять, что это значит.

— Чего?..

Вуд на мгновение отвёл взгляд, будто снова прокручивал в голове тот момент, когда я упала.

— Резкое падение давления из-за реакции нервной системы. Доктор сказал, что твоём случае могло сработать сразу несколько факторов: стресс, алкоголь натошак, обезвоживание. Организм просто не справился и дал сбой. Это не смертельно. И все уже позади, но нужно немного полежать.

Я медленно опустила взгляд.

— Значит, я просто потеряла сознание?

— Да. Не хватало еще тебя потерять.

Буд замолчал на секунду, и его взгляд скользнул по моему лицу, но я не предала этому значения и даже не сразу поняла, что он сказал.

— Мел, у тебя дома точно все хорошо? — спросил он, явно переживая за мое эмоциональное состояние, которое в последнее время было не очень-то и стабильным.

— Да, — коротко, но так уверено ответила я, не желая ничего говорить.

Его пальцы снова коснулись моей ладони, осторожно, почти благоговейно. И только теперь, когда я наконец осмелилась поднять глаза медленно, мучительно, дюйм за дюймом, меня накрыло осознание, от которого кровь сначала отхлынула от лица, а потом прилила обратно, обжигая щеки стыдом: я лежала без блузки, практически обнажённая, укрытая тонким, почти невесомым одеялом, которое он, должно быть, сам набросил на меня.

Кожа на лице горела от дикого жара, вызванного внезапным уколом унижительного стыда. Мысли хаотично крутились вокруг позорного идиотского падения у фонтана, случившегося прямо перед собравшимися на похороны гостями. Мне пришлось пережить обморок, оставивший меня полностью беззащитной перед бывшим. Позволить ему нести меня сюда. Позволить ему уложить меня в эту постель и сидеть рядом, держа за руку, пока я плавала где-то в полной темноте, ничего не чувствуя, ничего не осознавая, а он всё это время был здесь, смотрел на меня и ждал.

Мой взгляд торопливо скользнул по его заострившимся чертам и по тёмной одежде, подчёркивавшей его крепкое телосложение. Я вспомнила его плечи, притягивавшие меня к себе в той далёкой другой жизни, и неожиданно уловила во взгляде Вуда эмоцию, абсолютно забытую мной за долгие годы нашей разлуки. В его глазах отражалась глубокая тревога, оказавшаяся смешанной с чем-то почти нежным, и Брендон наверняка сам не хотел бы демонстрировать эти чувства, однако он просто не мог скрыть их от моего пристального взгляда.

И в этот момент я выдернула ладонь, но на этот раз медленно, давая понять, что нужно соблюдать дистанцию. Но теперь Брендон просто чуть наклонился вперёд, сократив и без того крошечное расстояние между нами до почти неприличного минимума, и его голос стал ещё тише:

— Ты напугала меня. Очень.

Он сказал это так, будто признался в чём-то, что давно держал внутри. И от того, как дрогнул его голос, как он не отвёл взгляд, хотя должен был бы: ради приличий, ради меня, ради Дина, ради всего, что стояло между нами, у меня перехватило дыхание. А я лежала под его одеялом, в его спальне, в его доме, и сердце колотилось так, что заглушало мысли. Я не знала, что сейчас сильнее: стыд, который пульсировал в висках и поднимался от щёк к корням волос, или благодарность, от которой щипало в носу и хотелось отвернуться к стене, зажмуриться и притвориться, что ничего этого не было. Что я не падала. Что он не тащил меня до спальни. Что я не лежала сейчас полуобнажённая в постели человека, которого когда-то предала.

— Брендон, бога ради, прошу, извини меня, пожалуйста, — слова полились из меня сбивчивым, дрожащим потоком, и я сама слышала, как жалко они звучат. — Я не знаю, как это произошло, я не хотела, я просто вышла на воздух, а потом... потом...

— Тебе не за что извиняться, Мелисса, — произнёс он, попытавшийся придать своему голосу ровное звучание. Однако его взгляд оставался совершенно другим, выдавая его сильное внутреннее волнение, и он тихо продолжил: — Лежи, пока окончательно не почувствуешь, что тебе лучше, а потом я отвезу тебя домой.

Я сглотнула. В горле пересохло так, словно я не пила целую вечность, и вместе с сухостью поднималось новое, обжигающее чувство, которое я не могла подавить, как бы ни старалась.

— А почему я лежу без блузки?

— Ты пролила на себя вино при падении, пришлось снять. Не волнуйся, она скоро высохнет.

— А кто ее снял с меня? Ты?.. — Слова вырвались прежде, чем я успела их обдумать, и повисли в воздухе, как обвинение, которого я на самом деле не хотела бросать.

Он поднял на меня спокойный взгляд без малейшего намёка на то, что мой вопрос застал его врасплох. И его спокойствие ударило по мне сильнее, чем если бы он начал оправдываться.

— Нет, ошибаешься, — Он покачал головой. — Мел, не волнуйся. Когда доктор уехал, я позвал свою тётку. Она и сняла твою мокрую испачканную блузку. Меня в комнате в этот момент не было. Так что, не думай, что твой бывший подглядывал за тобой. Все нормально, Мел.

Он произнес ответ с нарочитой прохладой, так, чтобы я не искала двойных смыслов, но я всё равно искала.

— Мел, выдохни, — продолжил он, меняя тему плавной, отработанной адвокатской ловкостью. — Блузка скоро высохнет. Конечно, будь у меня горничная, это сделалось бы куда быстрее, но, увы...

— А я... — начала я и осеклась, когда он меня перебил:

— А ты в моей спальне, — закончил он за меня, и его голос стал чуть тише, чуть мягче, но в то же время увереннее. — И сюда никто не войдёт. К тому же гости уже разошлись. В доме никого нет. Только ты и я.

Я медленно потянула тонкое одеяло, пока оно не коснулось подбородка, и застыла, вцепившись в его края мёртвой хваткой. Пальцы дрожали. Щёки вспыхнули от стыда, от жара, от осознания ситуации, которое накрывало меня, как цунами, не оставляя ни глотка воздуха.

«Господи Иисусе. Только не это. Мы вдвоём, и больше в доме никого. Мне конец. Клянусь, мне конец. Как только Дин переступит порог этого дома, он не станет слушать, он просто утопит меня в том чёртовом фонтане, а потом Брендона. Опыт в убийстве у него уже имеется — как бы цинично это ни звучало. О Господи, Дин...»

Мысль о муже ударила меня, как разряд тока, внезапно, парализующе, до полной остановки сердца.

— Боже! Дин! — выкрикнула я, и голос сорвался в хрип. — Он же звонил мне, сказал, что заберет меня, он... уже едет, он... Что он скажет, когда увидит меня в таком виде... Нужно скорее ему позвонить... Где мой телефон, Брендон?

Я мгновенно подавилась собственными словами, поскольку в этот самый момент мой испуганный взгляд метнулся к большому зеркалу, висевшему на противоположной стене. В его гладком отражении, отчётливо показывавшем открытый дверной проём спальни, я вдруг увидела высокую мужскую фигуру, заставившую мою кровь буквально застыть в жилах от дикого ужаса.

Дин.

Он появился так тихо, что я не услышала ни шагов, ни дыхания, а только тишину, которая вдруг стала оглушительной. Высокий, широкоплечий, напряжённый до последнего мускула. Армстронг выглядел так, словно одним взглядом готов был испепелить этот особняк. Ни крика, ни угрозы. Один лишь только взгляд. Тяжёлый, недоумевающий, ледяной. Тот самый, которым он смотрел на меня в худшие моменты нашей жизни, и от которого мне всегда хотелось провалиться сквозь землю.

Я резко втянула воздух, и сердце ухнуло куда-то в пятки, оставив в груди только пустоту и ужас.

— Дин... — прошептала я, но это был даже не шёпот, а выдох, который умирал на губах.

Он совершенно не двигался и просто неподвижно стоял в проёме. Его тяжёлый взгляд неотрывно фиксировался на мне, на Брендоне и на нашей опасной близости. Дин внимательно изучал мои голые плечи, сиротливо выглядывавшие из-под одеяла, и он целиком впитывал всю эту двусмысленную картину, которая не нуждалась в каких-либо дополнительных объяс-

нениях, потому что она выглядела именно так, как выглядит самое страшное предательство, даже если на самом деле его не было. Но ведь его и правда не было.

«Молю всех святых, чтобы он не подумал, будто я напилась до беспамятства, и сама разлеглась обнажённой в спальне Брендона...»

Я снова резко вдохнула. Да так резко, что пересохшее горло обожгло, а внутри не унимался ужас, какой бывает, когда понимаешь: случилось непоправимое, и ты даже не можешь открыть рот, чтобы объясниться, потому что любые слова уже бесполезны.

Брендон наконец обернулся, но так медленно, будто каждое движение давалось ему ценой невероятного усилия, будто тень в дверном проёме это всего лишь игра света или запоздалый гость, а не тот единственный человек, чьё присутствие способно превратить эту спальню в эпицентр взрыва.

«Да что, черт возьми, происходит?»

Дин так и не прошёл внутрь комнаты, не сделал ни одного шага в мою сторону и совсем не дал волю своей ярости, уже бешено дрожавшей в самой глубине его души. Он просто стоял в дверях, скрестив руки на груди, и смотрел на меня так, будто пытался понять, что именно он видел: жену, едва пришедшую в себя после потери сознания, о котором он, вероятно, даже не знал. Или жену, которая лежит обнажённая под одеялом другого мужчины. Причём не просто другого. Бывшего. Бывшего жениха. Того самого, который когда-то дарил ей кольцо, делая предложение. Того самого, который, когда-то спал с ней на этой же кровати.

— Брендон, мои соболезнования. — Голос Дина прозвучал ровно, до жути ровно, но я слышала, как он дрожит. Дрожит от ярости, которую Дин сдерживал всем своим существом, каждым мускулом, каждым нервом, каждым вздохом. — Но какого чёрта моя жена... — он задумчиво прищурился, будто хотел убедиться еще раз, не показалось ли ему, — лежит голая в твоей постели?..

Последнее слово он не произнёс, а выплюнул, как выплевывают сгусток крови после удара в челюсть. И в тишине, которая последовала за этим, я услышала, как гулко бьётся моё сердце будто пытается пробить себе выход через рёбра. Я съёжилась, вцепившись в одеяло с такой силой, что костяшки побелели, а ногти впились в ладони сквозь тонкую ткань. И да — я понимала его. На месте Дина я бы разозлилась точно так же. Может быть, даже сильнее.

Брендон сидел рядом со мной, и я видела, как напряжены его плечи, как опущен взгляд, как он пытается подобрать слова — идеальные, взвешенные, адвокатские, и ни одно не кажется ему правильным. Он молчал. Молчал так долго, так невыносимо, так болезненно, что каждая секунда этого молчания была как удар ножа в одно и то же место.

«Почему ты молчишь? Почему ты не объясняешь? Почему не говоришь ему, что здесь был доктор? Что была твоя тётка? Что это дурацкая, нелепая случайность, а не то, что он думает? Почему ты даёшь ему думать самое страшное, Брендон? Почему?!» — кричала я про себя, и мысли эта билась о стенки черепа, как обезумевшая бабочка.

Но Брендон молчал.

Я видела, как глаза Дина потемнели, словно перед грозой. И от того, что он не двинулся с места, не бросился на Брендона, не схватил меня за руку, а просто стоял и смотрел — на меня, на Брендона, на эту проклятую постель, на это одеяло, которое было единственным, что разделяло мою наготу и его гнев, от этого мне хотелось закричать.

Я никогда не давала поводов для ревности. И не собиралась. Я люблю Дина. Он любит меня. У нас семья, ребёнок, годы рядом и прожитые испытания.

Но я также знала: Дин — собственник. Не в токсичном смысле, а в том, что он защищает своё до последнего дыхания. И эта сущность в нём как вулкан. Даже когда он «спит», всё равно опасен. И всё началось с того момента, когда мы с Бренденом просто перестали быть врагами.

Дин провёл ладонью по лицу, будто пытаясь удержать себя от вспышки.

Он сделал шаг вперёд, и воздух в комнате стал тяжёлым. Я молилась. Я молилась так, как не молилась никогда в жизни, не Богу даже, а самому Дину, его выдержке, его любви ко мне, его способности не сорваться, не взорваться, не разнести эту спальню в щепки вместе с Бренденом, вместе со мной, вместе со всем, что мы строили последние шесть лет. Я молила Бога, чтобы Дин только не взорвался.

— Я понять не могу, — начал он, и голос его, низкий, рокочущий, вибрировал от сдерживаемой ярости так, что стены, казалось, резонировали с ним в унисон. — Вы языки проглотили? Кто-нибудь, вашу мать, скажет мне уже наконец, какого черта здесь происходит?

Я видела, как на его скулах проступили желваки, как побелели костяшки пальцев, сжатых в кулаки, и я знала этот признак. Дин стоял на грани, за которой он переставал быть человеком и становился неуправляемым демоном.

— Дин, пожалуйста, — прошептала я, и голос мой надломился, как сухая ветка. — Пожалуйста, это не то, что ты думаешь. Это не то... Клянусь тебе. Клянусь Бет. Клянусь всем, что у нас есть. Пожалуйста...

Но он уже не смотрел на меня. Он смотрел на Брендона. И в его взгляде мелькнуло то, что я боялась увидеть там больше всего. Холод. Ледяной, смертоносный, непрощающий холод человека, который когда-то убил за меня и готов сделать это снова.

— Дин... я... — снова начала я, пытаюсь уже хоть как-то рассказать о том, что произошло, но начать мне не дали.

Брендон наконец открыл свой рот, но так неохотно, что мне захотелось двинуть его ногой, чтобы он наконец свалил с этой кровати.

— Мелисса просто потеряла сознание, — произнёс он ровно, без попыток оправдаться, и я знала, что эта сухая, адвокатская чёткость бесила Дина. — Мой доктор осмотрел её. Причин для беспокойства никаких нет, она просто переутомилась.

— А какого черта она голая? — недоумевал Дин.

— Она пролила вино на себя, когда упала. И Мел не голая, а всего лишь без блузки.

Он сделал такую мучительную паузу, что я слышала, как тикают часы где-то в глубине дома, и в этом тиканье мне слышался отсчёт до взрыва.

— У меня все. А верить или нет – твое право, Армстронг. Я оставлю вас наедине.

Брендон поднялся так резко, будто больше не мог оставаться в этой комнате. В его движении было что-то нервное. Он направился к двери, но, проходя мимо Дина, задел его плечом.

Случайность это была или намеренный жест — я не смогла понять.

Дин не отступил. Даже не качнулся. Он остался неподвижным, с тем же холодным выражением лица, словно вокруг него мог рушиться весь мир, а он всё равно продолжал бы стоять. Только его глаза выдавали то, что он пытался скрыть. Янтарный взгляд, острый и тяжёлый, следил за каждым движением Брендона, пока тот не исчез за дверью, оставляя после себя напряжённую тишину между нами. Дин медленно перевёл взгляд на меня. Он не кричал. Он не бил кулаками в стену, как делал иногда, когда эмоции брали верх, а просто молча смотрел пристальным взглядом, отчего что у меня по позвоночнику побежали мурашки.

— Мне правда стало плохо. — Я заставила себя смотреть ему прямо в глаза, уверенно, потому что скрывать мне было нечего, и он должен заметить правду в моих глазах.

— Хорошо, Мел, ладно, ладно, я тебе верю, — ответил он, но меня понесло до конца, потому что только так до него можно было достучаться.

— Я просто потеряла сознание, потому что выпила, много, потому что не ела, потому что все переживания, которые годами копились во мне, нанесли удар по организму! И я не выбирала, где очнуться. Но я очнулась здесь. И первое, что сделала, это выдернула руку Брендона, когда пришла в себя, это все!

Кажется, последние слова были лишними, потому что взгляд его вновь резко изменился.

— Ты очнулась и выдернула руку? — повторил он, и в его голосе я услышала не только вопрос. — То есть, он сидел здесь с тобой все это время и держал за руку, пока ты спала?

Он скользнул взглядом по моим ключицам, по голым плечам, и его янтарные глаза потемнели, стали почти чёрными. Дин никогда не умел скрывать ревность. Она горела в нём, как пожар, и этот пожар сейчас выжигал всё на своём пути, включая его собственное здравомыслие.

— Я не спала, а была без сознания! — выкрикнула я, и слёзы, которые так долго сдерживала, наконец прорвались и потекли по щекам. — Я ничего не чувствовала, ничего не знала, слышала только голос Брендона, когда он поднял меня на руки у фонтана, а потом я снова провалилась в чертову темноту, и открыла глаза уже здесь! Ты думаешь, мне приятно всё это? Ты думаешь, я планировала оказаться без блузки в чужой постели? Я клянусь тебе, Дин, между мной и Бренденом ничего не было. Он вызвал врача. Он позвал тётку. И я не думаю, что Брендон какой-то конченный извращенец, чтобы подглядывать, как снимают блузку с его бывшей, тем более сегодня были похороны его матери. Он не прикасался ко мне. Никак. Нигде. Кроме руки, которую я выдернула, как только очнулась! Господи, ради всего святого, Дин, поверь мне, прошу тебя!

Я замолчала, задыхаясь от рыданий, и закрыла лицо ладонями, потому что не могла больше смотреть на него. Не могла видеть этот тяжелый взгляд, который разрывал меня на части. И тогда я услышала его медленные шаги. Дин подошёл к кровати и остановился так близко, что я чувствовала тепло его тела. А потом его ладонь легла на мое плечо. Не грубо, но требовательно.

— Я верю тебе, — сказал он, и в его голосе всё ещё звенела сталь, но уже тихая. — Верю. Но и ты пойми меня, Мел. Я вхожу в дом человека, которого ты когда-то любила, и вижу свою жену без одежды в его постели. И я должен поверить в то, что это случайность. Просто дурацкое стечение обстоятельств. И я верю. Но мне нужно время, чтобы переварить это. Время, чтобы не думать о том, как он держал тебя за руку. Время, чтобы не представлять, как он тащил тебя через весь дом, прижимая к себе, чувствуя твоё тело.

— Дин... — прошептала я, поднимая на него заплаканные глаза.

— Я не закончил. — Его ладонь всё ещё лежала на моем плече, но теперь он чуть сжал пальцы — не больно, но достаточно, чтобы я почувствовала его силу. — Я не железный. Но я и не дурак. Я вижу, как он на тебя смотрит. И вижу, как ты этого не замечаешь. Это два разных факта, которые сосуществуют в моей голове одновременно, и мне нужно время, чтобы разложить их по полкам. А пока... — Он приподнял мой подбородок, заставляя смотреть ему в глаза. — Я принесу твою блузку, ты сядешь в мою тачку, и мы поедем домой. Без скандала. Без истерик. Без выяснения отношений. Договорились?

— Договорились, — выдохнула я, чувствуя, как напряжение, державшее меня в тисках последние несколько минут, начинает отпускать, оставляя только дрожь и слабость.

Он убрал ладонь с моего плеча и отступил на шаг.

— Просто ваше молчание с обеих сторон вывело меня на самые худшие мысли.

— Прости, мне очень стыдно, правда. И я хочу домой. Я хочу к Бет. Я хочу в нашу с тобой в постель, обнять тебя, уткнуться носом в твою грудь и забыть уже этот день как страшный сон.

Дин взял меня за руку, но стыд в моих глазах все еще не угасал.

— Хорошо. Как ты себя чувствуешь?

— Я очень хочу уехать. Дома мне будет еще лучше, — тихо ответила я и засуетилась на шелковой постели, после чего приподнялась, прикрываясь тонким одеялом.

— Может, поедем в больницу? Потому что я его врачам не доверяю.

— Милый, перестань, у тебя уже паранойя. Просто уедем домой.

Дин поднялся с постели.

— Хорошо. Я спущусь к нему, — произнёс он ровно, но в голосе слышался холод. — И принесу твою блузку.

Когда за ним закрылась дверь, я осталась в комнате одна, если не считать тяжёлого воздуха, который мгновенно заполнил всё пространство, будто пытаюсь вытеснить меня из собственного тела. Я лежала неподвижно, прижимая к себе одеяло, и чувствовала, как сердце бьётся слишком быстро, словно пытаюсь пробить грудную клетку и вырваться наружу, чтобы не слышать того, что вот-вот произойдёт этажом ниже.

Я знала Дина слишком хорошо, чтобы обманывать себя надеждой на лёгкий разговор. Ведь его ревность — это не просто резкая вспышка, а медленно поднимающаяся волна, которая сначала кажется безобидной рябью, но потом накрывает с головой, лишая воздуха и способности мыслить. И сейчас эта волна уже поднялась достаточно высоко, чтобы я чувствовала её давление даже отсюда, из спальни, где всё ещё пахло парфюмом Брендона.

Я зажмурилась, пытаюсь отогнать этот запах, это ощущение чужого присутствия, которое липло к коже. Господи, какой же это позор.

Прекрасно было понятно: Дин не ревновал меня к Брендону как к мужчине. Он ревновал к прошлому, к тому, что когда-то существовало между нами, то, что он не мог изменить, не мог стереть и не мог заставить исчезнуть. И каждый раз, когда это прошлое внезапно возвращалось в нашу жизнь, как сейчас, передо мной появлялся тот самый Армстронг, которого я впервые встретила несколько лет назад: мужчину, в котором всегда боролись контроль и желание защитить, разум и инстинкт, но стоило прошлому напомнить о себе — и этот баланс рушился, оставляя только его тёмный, тяжелый взгляд и ту собственническую ярость, которая была его второй сущностью.

Но сейчас я знала одно, что в такой траурный день, касательно похорон матери Брендона: Дин не завяжет с ним драку, не скажет грубость. Но он задаст ему вопросы.

За что судьба решила устроить мне такой нервный день? День, когда прошлое буквально оказалось под моей кожей: дом бывшего жениха, его спальня, его забота после несчастного падения, и — Дин, человек, ради которого я когда-то разрушила это прошлое. Мой настоящий муж стоял в дверях, молчаливый, неподвижный, сжимавший руки так, чтобы не разнести этот дом по кирпичику.

«Господи Иисусе, за что ты так со мной?»

Глава 3

ДИН АРМСТРОНГ

Когда я вышел из спальни, оставив Мел под этим нелепым, слишком ярким для траурного дня алым одеялом, внутри меня начало подниматься это дурное чувство, которое я годами учился держать под замком, но не потому, что оно делало меня слабым, а потому, что оно делало меня неуправляемым. Ревность, сплетённая с тревогой, замешанная на глухом раздражении от того, что я не оказался рядом.

Я спускался по лестнице медленно, почти выверяя каждый шаг. Но с каждой ступенью, приближавшей меня к гостиной, пальцы сжимались всё крепче, линия челюсти твердела, становясь жёсткой и острой, как лезвие, а в груди нарастало тяжёлое напряжение. Я знал, что иду не просто за её одеждой, а иду за тем, чтобы донести на том единственном языке, который Вуд точно поймёт: что я не позволю прошлому протянуть руки к Мел.

Когда я вошёл в гостиную, Брендон стоял у окна. Он не слышал моих шагов или, может быть, слышал, но не обернулся, потому что у него не было сил оторваться от того, что он видел за стеклом, хотя за ним не было ничего, кроме зеленого сада под сумеречным апрельским небом и легкого дождя, стекающего по окну.

Но он смотрел куда-то вдаль. Его губы в отражении окна были плотно сжаты, лоб прорезан глубокой морщиной, которая появляется от гнетущих мыслей. Но я не жалел его, для жалости между нами было слишком много истории. И вместе с этой скорбью я так же видел, как он хранил в себе то, что когда то его связывало с Мел.

И именно это мне не нравилось.

— Брендон, — произнёс я, изо всех сил стараясь придать собственному голосу максимально ровное звучание.

Вуд обернулся ко мне не сразу. Он сделал это очень медленно и без всякого удивления, словно уже давно почувствовал моё присутствие и лишь терпеливо ждал моего первого слова. В его спокойном взгляде совершенно не было ни настороженности, ни вызова, ни явного желания защищаться. Я заметил только ввевшуюся под кожу усталость человека, несколько дней подряд жившего исключительно на автомате, уныло отвечавшего на бесконечные звонки, принимавшего соболезнования и подписывавшего бумаги. И в ту секунду я вполне бы мог ему посочувствовать, вспомнив о своей личной потере родного отца и прекрасно зная о боли, которая выжигает все внутри.

Возможно, при других обстоятельствах мы действительно могли бы просто поговорить. Я мог бы подойти к нему, сказать несколько нужных слов, выразить соболезнования, которые в тот момент были совершенно искренними, потому что, как бы ни складывались наши отношения, я знал, что такое смерть близкого человека. Но после того, что я увидел всего несколько минут назад, и как Мел сообщила мне о том, что Брендон держал ее руку, от этих мыслей не осталось ничего.

Перед глазами всё ещё стояла одна и та же картина: моя жена, полуобнажённая, в его постели, и он рядом с ней — спокойно сидящий на краю кровати с собственническим взглядом. Будто не было ни меня, ни нашей жизни, ни тех лет с Мел, которые я считал настоящими.

И в этот момент все те слова, которые я собирался сказать ему по дороге сюда, все попытки сохранить всё человеческое сочувствие, которое я ещё несколько минут назад испытывал, рассыпались внутри меня, превратившись в холодную, бесполезную пыль.

— Слушаю... — сказал он тихо, но уверенно.

Я сделал шаг вперёд, чувствуя, как напряжение в груди становится почти физическим, как будто кто-то сжал сердце в кулаке и медленно сдавливал его, пока каждый удар не начал отдаваться болью в висках. Я не хотел превращать этот дом, наполненный скорбью, в арену для выяснения отношений. Я приехал сюда с намерением выразить соболезнования, пожать ему руку, забрать жену и уехать домой, к дочери, к нормальной жизни. Но я также не мог позволить, чтобы молчание или недосказанность оставили место для сомнений — ни у него, ни у неё, ни у меня самого.

— Ты был обязан мне позвонить, когда она потеряла сознание, — твердо произнёс я. — Всего лишь один звонок. Один чёртов звонок, Вуд, и я тут же приехал бы. Она моя жена. Ты понимаешь это? Или мне нужно каждый раз тыкать тебе в лицо нашим свидетельством о браке?

— Я не хотел тебя беспокоить, — начал он, и в его голосе мелькнуло что-то, что я не смог расшифровать сразу, но что мне инстинктивно не понравилось. — А хотел просто...

— Ты просто хотел отнести её на руках в свою спальню, — перебил я, чувствуя, как внутри всё выгорает от ревности. Я сделал тяжёлый шаг вперёд. Нас разделяло не больше шести футов — расстояние, которое я мог бы преодолеть за одну секунду, если бы захотел. Но я остался стоять, скрестив руки на груди. — Ты просто хотел сидеть рядом и держать её за руку. И я даже знаю почему, — я заставил себя выдавить холодную, пренебрежительную улыбку, хотя в груди не хватало воздуха. — Я видел, как ты на неё смотришь. Сейчас, когда она лежит в твоей постели, ты смотришь на неё так, будто она твой незакрытый гештальт, твой идол, на которого ты молишься. — Я отвёл взгляд на мгновение, шумно выдохнул сквозь зубы и снова посмотрел ему прямо в глаза: — Будто всё, что тебе нужно, это дождаться, пока я оступлюсь, чтобы тут же занять моё место.

Брендон открыл рот, но я не дал ему сказать ни слова.

— Так вот, слушай меня внимательно, потому что я скажу это только один раз. — Мой голос снизился, и я сам услышал в нём ту интонацию, которая появлялась только в моменты запредельной ярости. Я криво, почти безумно усмехнулся, глядя на то, как он пытается сохранять лицо. — Мелисса — моя жена. Она носит мою фамилию. Она мать моего ребёнка. Она спит в моей постели каждую ночь... — я сделал едва заметную паузу, смакуя его безмолвное поражение. — ...и так будет всегда, нравится тебе это или нет.

Я замер прямо перед ним, и смерил взглядом сверху вниз.

— И если ты ещё раз, ещё хоть один грёбанный раз посмотришь на неё так, будто она всё ещё твоя, клянусь, я...

Вуд внезапно перебил меня.

— Эй, приятель, послушай... Я не собираюсь у тебя никого забирать, — произнёс он, медленно жестикулируя руками перед собой, призывая меня остановиться. — Я понимаю, что наши отношения с Мел остались в прошлом. Я принял это. Давно.

Он принялся расхаживать по гостиной, убрав руки за спину, и лишь время от времени поправлял ворот черной рубашки, будто нервничал.

— И если сегодня я попросил её остаться, то это было не ради того, о чём ты думаешь. Мне просто нужен был кто-то рядом. Кто-то, кто знал меня и мог просто поддержать этим траурным днём. Больше мне ничего не нужно было. Успокойся.

Он поднял на меня глаза и остановился.

— Я не претендую на то, чтобы вернуть Мел. Я не питаю иллюзий. Всё, чего я хочу, — это остаться в хороших отношениях. С ней. С тобой, если это возможно, хотя бы потому что ты ее муж. Я не враг тебе, Дин. Как бы тебе ни казалось обратное.

— Я хотел бы верить, но пойми и меня: доверие — это не то, что я раздаю направо и налево. Особенно когда речь идёт о моей жене. Где ее блузка?

Брендон сделал едва заметный жест рукой в сторону тумбы у стены, где лежала аккуратно сложенная вещь Мел.

— Я никогда не дам повода сомневаться в том, что только что сказал. Слово адвоката.

— Надеюсь... — томно ответил я, искоса глядя на черную блузку своей жены.

— Её рубашка высохла. Все в порядке. — Он помолчал, словно подбирая слова, и добавил уже тише: — И ещё. Есть бутылка «Макаллана», коллекционная. Просто задержись на пару минут. Я не предлагаю дружбу, Дин. Просто по глотку виски за упокой. У меня сегодня больше в доме никого нет, кто бы мог просто тихо выпить со мной... Просто пару минут...

— Хорошо.

Я произнёс это слово, ещё до конца не понимая, зачем это делал. Быть может, потому что знал, каково это испытать потерю близкого человека. И всё же я не расслаблялся.

Адвокат взял со стола два тяжёлых рокса, и в тишине гостиной прозвучал только звук стекла о стекло. «Макаллан» потек ровной, густой струёй, наполняя бокалы ровно на два пальца, не больше, не меньше, и заиграл в приглушённом свете люстры тёмным, медовым отблеском. Один рокс он молча подвинул ко мне, будто предлагая не просто выпить, а сделать паузу, вдохнуть, позволить себе хоть на мгновение перестать быть человеком, который обязан держать всё под контролем, другой рокс оставил себе.

Я поднял бокал и ощутил, как прохлада стекла передаётся ладони, а затем сменяется теплом от содержимого. Глоток виски прокатился по горлу обжигающей волной, оставив после себя слегка терпкое ощущение. Я вернул опустевший рокс на стол, не проронив больше ни слова.

— Если Мелиссе уже лучше, можете ехать домой, — выдохнул адвокат, ставя выпитый рокс на стол.

Я пристально посмотрел на Брендона с осмысленной оценкой, сохраняя нейтральное выражение лица, без проявлений неприязни, после чего произнёс напоследок:

— Еще раз мои соболезнования. Нам пора, — произнёс я ровно, без лишних эмоций, но достаточно твёрдо.

Забрав со шкафа сухую блузку Мел, я уловил запах порошка, а также ещё один аромат. Запах чужого дома. После этого начал подниматься по лестнице, которая вела в спальню. Каждый шаг сопровождался тяжёлым, приглушённым звуком в моей груди, словно я двигался не по деревянным ступеням, а по собственным колебаниям, которые, несмотря на мою внешнюю решимость, продолжали удерживать меня. Внутри меня вновь нарастало то ощущение, которое я ненавидел в себе — гнев, холодное напряжение, раздражение, возникающее тогда, когда терял способность контролировать свои эмоции.

Именно в таком состоянии я поднимался к ней. К своей супруге. К женщине, которую любил больше жизни. К той, ради которой я согласен был сдерживать себя до последнего момента, но которая в текущий момент находилась в постели другого мужчины, хоть и по странному, случайному стечению обстоятельств. Я понимал, что она не несла вины, я доверял её словам, однако я совершенно не доверял Брендону.

Я остановился перед дверью, сделал глубокий вдох, пытаясь устранить остатки раздражения, и только затем переступил порог. Она сидела на кровати, прижимая одеяло к себе с такой силой, будто оно служило ей единственной защитой ото всего. Её щеки оставались бледными, взгляд был слегка рассеянным, но в нём уже проявлялось знакомое, беспокойное выражение, которое я замечал у неё всякий раз, когда она испытывала чувство вины передо мной.

И в этот момент я понял: всё, что я чувствовал до этого — ревность, напряжение, раздражение — растворилось в одном простом, ясном желании: забрать её домой. Я подошёл ближе, положил одежду на край постели и сказал тихо, но твёрдо — так, как говорю только ей:

— Мел, одевайся и поедem. Я не хочу больше ничего выяснить, разве что, наказать тебя как следует, но уже в нашей с тобой постели...

В каждом моём слове соединились несколько состояний одновременно: тревога о ней, ощущение собственной значимости, накопившееся напряжение, не до конца угасшая ревность. И я очень хотел ее. Мне отчаянно хотелось её наказать. И это наказание должно было длиться до тех пор, пока её голос не сорвётся от повторения моего имени, пока она не начнёт изгибаться подо мной в беспомощной покорности.

Моя любимая Мел. Я люблю ее и хочу всегда. Даже когда устал настолько, что валюсь с ног. Даже когда мы в ссоре. Особенно когда мы в ссоре, потому что примирение — это лучшее, что есть в отношениях. Я хочу чувствовать, как Мел выгибается подо мной, когда я, наконец, доказываю ей, что она была неправа. Не словами, а всем телом. Каждым движением. Каждым поцелуем, в котором больше нежности, чем злости.

Я люблю её за то, что она принимает эту мою тёмную сторону. Не пугается, когда я грубо владею ее телом. Ей это нравится, и мне тоже. Она принимает мою грубость и мою нежность. Она единственная, кто знает, что это одно и то же. И хочу, чтобы она знала: никто и никогда не будет обладать ею и любить так, как я. Никто не узнает тех точек на её теле, которые так сводят её с ума.

До самой старости. Я хочу держать её за руку, когда у неё будут болеть суставы, и хочу, чтобы она держала меня за руку, когда я не смогу встать с больничной койки. Я даже хочу умереть раньше, но не потому, что эгоист, а потому что не вынесу мира, в котором её нет. Я люблю её так сильно, что иногда мне самому страшно от этой силы.

И я хочу её. Сейчас. Всегда. В каждой жизни, которая у меня будет. Я хочу её до хрипоты, до дрожи. Потому что только с ней я чувствую себя живым. Только когда она со мной, я понимаю, для кого вообще живу на этом свете.

Глава 4

МЕЛИССА АРМСТРОНГ

Когда Дин произнёс «одевайся», и сел на край постели, я почувствовала, как внутри меня что то болезненно сжалось. Не от страха, нет, а от того странного, почти детского смущения, которое накатывает в самые неподходящие моменты, когда ты вдруг понимаешь, что стоишь перед собственным мужем, человеком, который видел тебя в сотнях состояний, но именно сейчас, именно в этой спальне, под чужим одеялом, после всего, что произошло, мне почему то хотелось спрятаться, исчезнуть в складках ткани.

Я приподнялась, удерживая одеяло одной рукой, а другой нащупывая край юбки, аккуратно сложенной на кровати. Ткань была прохладной, сухой, пахла порошком и чем то ещё — запахом чужого дома.

— Дин... отвернись, пожалуйста. — выдохнула я, сама не веря, что прошу его об этом.

Он замер. Остановился в движении, будто не сразу понял смысл моих слов. Затем медленно повернул голову ко мне, и в его взгляде отразилось такое искреннее недоумение, что я почувствовала, как щеки вспыхнули ещё сильнее.

— Что, прости? Отвернуться? — повторил он тихо, почти удивлённо, словно я попросила его выйти из дома вовсе. Он замер на месте, а его густые брови взлетели вверх от абсолютного абсурда услышанного. Он коротко, зло выдохнул сквозь зубы. — Мел, ты моя жена. Я что, блин, твоих сисек не видел? Какого черта вообще?!

Он всплеснул руками, шагнув ко мне ближе, и в его глазах вспыхнула новая волна раздражения — теперь уже направленная на меня.

— Мы сколько лет вместе, а ты сейчас ведёшь себя так, будто я чужой мужик с улицы?

Я медленно сглотнула и сильнее вцепилась пальцами в край одеяла.

— Я знаю. Просто... здесь... — я огляделась, будто стены могли подсказать мне правильные слова. — Мне неловко. Господи, просто отвернись ненадолго, я оденусь спокойно, и мы наконец свалим отсюда домой.

Его прямой взгляд фиксировался на мне настолько долго, что моя выдержка оказалась на пределе. В родных глазах промелькнуло что-то тяжелое, но уже без злобы.

— Ладно...

И всё же он отвернулся. Неохотно. Медленно. Как человек, который делает уступку, но не понимает, зачем она вообще нужна.

Он встал ко мне спиной, руки спрятал в карманы брюк. Я заметила, как напряглись его плечи — широкие, сильные, знакомые мне до последнего изгиба. Его подтянутое, спортивное тело было скованно так, будто на нём лежал груз всего прошедшего дня. И я понимала: он отвёл взгляд не просто для того, чтобы я могла спокойно одеться. Он сделал это, чтобы не произнести ничего лишнего. Чтобы сдержаться. Чтобы не выдать, насколько глубоко его задело случившееся. Я дрожащими руками натягивала юбку, застёгивала мелкие пуговицы на блузке, и каждый звук — шелест ткани, даже моё собственное прерывистое дыхание, казался оглушительно громким в повисшей тишине.

А ведь ещё сегодня утром всё было иначе... Мы смеялись. Обсуждали планы на вечер. Целовались на кухне, пока кофе остывал в чашках, а Бетани смотрела на нас и улыбалась. Я глядела на него и верила, что жизнь наконец стала ровной, спокойной, предсказуемой — именно такой, о которой я всегда мечтала.

И вот теперь — я в спальне чужого человека, меня трясёт от холода и стыда, а Дин... Дин стоит ко мне спиной. Я ощущаю его внутреннее напряжение так отчётливо, будто оно

касается моей кожи. Пусть я ни в чём не виновата, пусть всё вышло глупо, случайно, нелепо — внутри меня все равно разрастается тяжёлое, гнетущее чувство. Оно словно говорит, что я его подвела. Подвела нас обоих. Подвела то тёплое, безмятежное утро, которое мы делили на двоих, даже не догадываясь, что к вечеру всё обернётся негативом.

Я застегнула последнюю пуговицу на черной атласной блузке и тихо сказала:
— Можем ехать.

Он обернулся неспешно, и его взгляд, спокойный и внимательный, задержался на мне всего на несколько секунд, но этого оказалось достаточно, чтобы я поняла: он проверял не моё настроение и не реакцию, а то, хватит ли мне сил идти дальше и не свалиться снова.

Дин протянул мне руку.
— Идем, Мел.

Мы вышли из спальни. Я шла чуть позади, Дин на полшага впереди, крепко держащий мою руку. Его тёплая ладонь согревала мои холодные пальцы, а вместе с этим теплом поне-много уходило и напряжение, сковывавшее меня всё это время. Коридор был тихим. Даже не верилось, что когда-то я жила в этом доме, отчего и состояние Дина можно было понять.

И когда мы подошли к лестнице, я увидела адвоката. Вуд находился внизу, у подножия ступеней, и казалось, будто он ожидал нашего появления, чтобы сопроводить своих «гостей». В его позе не было ни намёка на демонстративность или вызов — Брендон просто стоял, слегка опираясь рукой на перила.

Когда мы оказались ближе, Брендон выпрямился во весь рост. Он не произнёс ни единого слова. Он не предпринял попытки заговорить со мной. Не сделал ни одного жеста, который можно было бы истолковать как намерение нас остановить. Он лишь смотрел. Однако в его глазах я всё же различила выражение признательности — за то, что сегодня, в день похорон его матери, я оказала ему небольшую поддержку. Дин замер на мгновение, и я увидела, как напряглись его плечи. Он обернулся к Брендону, и их взгляды пересеклись, будто между ними произошло негласное соглашение, понятное только им двоим.

Брендон сделал едва заметное движение головой. Дин также коротко кивнул ему в ответ, продемонстрировав уверенный мужской жест. Только после этого молчаливого согласия он аккуратно приобнял меня, направляя моё уставшее тело к выходу. Когда мы проходили мимо Брендона, я физически ощутила его тоскливый взгляд, провожавший меня до самых дверей.

И в этот мрачный день я наконец-то открыла глаза: Брендон всё ещё любил меня. Отрицать очевидное было бессмысленно. Сколько раз я убеждала себя, что наше время прошло, что моё настоящее — это муж и ребёнок? Но как бы отчаянно я ни пыталась пустить корни в чужую почву, чувства Вуда оставались неизменными. Они таились глубоко внутри, подобно углю, который продолжает тлеть, даже когда внешне кажется, что он давно остыл.

Я шла рядом с Дином, ощущая его крепкую и надежную ладонь в своей руке. При этом я всё время чувствовала на спине взгляд Брендона. В нём сохранялась та часть моего прошлого, которую я считала давно погребённой. И речь шла о любви, которой я к нему никогда не испытывала, разве что, совсем немного. И хотя в моих действиях не было вины, внутри поднималось неприятное ощущение, словно я совершила предательство. Словно я находилась между двумя мирами, которым не следовало пересекаться. Словно именно я была ответственна за то, что судьба зачем-то свела всех нас в один день, в одном месте, в одном доме.

Я заметила, как Дин немного усилил нажим на мою руку, будто стараясь вернуть меня к себе, к настоящему, к тому, что имело значение. Я понимала, что он чувствует всё. Он всегда ощущал моё состояние — на уровне души и тела.

Улица встретила нас запахом мокрого асфальта. Дождевые капли стучали по крыльцу, разбивались о ступени, и я непроизвольно поёжилась, втянув голову в плечи. Дин молча снял свою кожаную куртку и накинул мне на плечи. Она была тяжёлой, пропитанной запахом табака, и терпкого одеколona. Это был самый привычный и родной аромат для меня. Он открыл передо

мной дверцу «Доджа», пропуская вперёд, и на мгновение задержал мою ладонь, прежде чем закрыть дверь. Дождь потёк по стеклу, отделяя нас от особняка Вуда, от этого тяжёлого дня, от всего, что осталось позади. Мы наконец покинули этот дом, и я смогла выдохнуть.

Глава 5

МЕЛИССА АРМСТРОНГ

Мы ехали домой в полной тишине, и с каждой минутой она становилась всё гнетущее. Это было совсем не то молчание, которое возникает между людьми, привыкшими друг к другу настолько, что необходимость в словах постепенно исчезает сама собой, уступая место спокойствию и уверенности. Не та мягкая, почти уютная тишина, в которой можно просто смотреть в окно, чувствовать тепло родного человека рядом и знать, что между вами всё в порядке.

Нет.

Эта тишина, что повисла между нами, больше напоминала туго натянутый трос, который с каждой секундой растягивали всё сильнее, проверяя его предел. В ней не ощущалось спокойствия. Дин упрямо молчал, сознательно скрывая от меня свои тяжёлые мысли и заставляя меня страдать от неизвестности. Я сидела рядом, наблюдая за бегущими по стеклу бликами света, и во мне постепенно росла уверенность в неизбежности нашей ссоры, ведь я слишком хорошо знала характер своего мужа.

Пальцы Дина так крепко сжимали руль, будто он цеплялся не за него, а за остатки самообладания, которые ещё удавалось удерживать. Костяшки его пальцев побелели от напряжения, а между губ медленно тлела уже третья сигарета подряд. Он почти не курил её, а лишь время от времени делал короткие, резкие затяжки, после которых дым надолго повисал в тесном пространстве салона, смешиваясь с запахом кожи и сырости.

Я украдкой наблюдала за ним, за его неподвижным профилем, за напряжённой линией челюсти и желваками, которые то и дело перекатывались под кожей, выдавая то, что он так упорно пытался скрыть. Внешне он выглядел спокойным. Слишком спокойным. И именно это спокойствие заставляло меня нервничать сильнее всего. Молчание, растянувшееся между нами, становилось всё тяжелее. Оно давило на грудь, лишало возможности нормально дышать, заставляло прислушиваться к каждому его движению, к каждому вдоху, словно в них скрывался ответ на вопрос, который я боялась задать. И всякий раз, когда открывала рот, внутри меня поднималась паника, а заготовленные фразы рассыпались прежде, чем успевали обрести форму.

И тогда Дин заговорил со мной первым, совершенно не отрывая своего пристального взгляда от ночной дороги. Его голос казался тихим и неожиданно спокойным, но за этой нарочитой выдержанностью чувствовалось внутреннее напряжение, которое ему так и не удалось полностью утаить от меня.

— Я не могу тебя запретить дома, Мел. Это глупо. И я не тиран, чтобы что-то тебе запрещать, хотя бы потому что доверяю. И я действительно тебе доверяю.

Он ненадолго замолчал, словно тщательно подбирая слова.

— Но тебе не кажется, что Брендона стало как-то слишком много в нашей жизни? — негромко проговорил он, ещё сильнее сжимая пальцами кожаный руль.

Сигарета тлела между его пальцами. Опустив стекло ещё чуть ниже, он выпустил наружу струю дыма и несколько секунд смотрел вперёд, на ленту дороги, убегающую в темноту. Лишь потом скользнул по мне быстрым коротким взглядом, и тут же снова перевёл глаза на дорогу.

Я повернулась к нему, чувствуя, как внутри все закипает, будто меня обвиняют в преступлении, которого я не совершала, но доказать только этого не могла.

— Нет... — Мой голос дрогнул, и я ненавидела себя за эту дрожь. — Дин, я пришла на похороны его матери. Просто на похороны. Просто потому что он попросил его поддержать в трудную минуту, точно так же, как он не раз поддерживал меня и помогал, что в этом плохого?

И да, я действительно не планировала потерять сознание и открывать глаза в его постели, и уж точно не планировала, что ты застанешь меня там обнажённой. Это была случайность, Дин. Глупая, нелепая случайность, а не заговор против тебя!

Он ударил ладонью по рулю, не сильно, но достаточно, чтобы я вздрогнула. Сигарета выпала из его пальцев, вылетела через приоткрытое окно и исчезла в темноте, оставив после себя лишь россыпь искр, на мгновение вспыхнувших на чёрном полотне дороги.

— Случайность? — переспросил он, и его голос сорвался на рык. — Что-то ты дома в обмороки не падаешь. Что если он подсыпал тебе какой-нибудь херни в бокал? А? Это тебе показалось, что ты была без сознания пару минут, а по факту может ты спала около часа или больше, пока я пыталась до тебя дозвониться, только мне никто не отвечал, после чего я уже рванул за тобой!

На мгновение мне показалось, что он сейчас сорвётся, но вместо этого его голос стал тише, отчего по спине пробежал холодок.

— Ты лежала в его постели, Мел. Полуголая. И я до сих пор не могу выбросить это из головы, как и то, что он тебе что-то подсыпал.

Он провёл ладонью по лицу, тяжело вздохнув.

— И самое паршивое даже не в том, что я увидел. Я пытаюсь убедить себя, что ничего не произошло, да, пытаюсь мыслить разумно, но каждый раз возвращаюсь к одной и той же мысли. Почему, черт возьми, рядом с тобой все это время сидел он, а не я? Почему, когда тебе стало плохо, твой муж об этом ничего не знал? А?

Дин невесело усмехнулся и покачал головой.

— И когда я спросил его, почему он не позвонил мне сразу, знаешь, что Вуд ответил? — он бросил на меня короткий взгляд, и я помотала головой. — Нет? Не знаешь? Он сказал, что не хотел меня беспокоить! Не хотел беспокоить, Мел. Твоего мужа. Человека, который должен был узнать первым.

Его челюсть напряжённо дёрнулась.

— И вот скажи мне, Мел, это действительно тебе ни о чём не говорит?

Руль жалобно скрипнул под его хваткой, а затем он резко повернулся ко мне, не скрывая больше ни раздражения, ни боли, ни того напряжения, которое копилось в нём всю дорогу. Его взгляд ударил в меня почти физически. В янтарных глазах бушевало пламя, в котором смешались ревность, страх и злость — чувства настолько сильные, что удерживать их под контролем становилось всё труднее с каждой секундой. Казалось, он смотрел не на меня, а сквозь, пытаясь найти ответы на вопросы, которые боялся произнести вслух.

— Ну так что, Мел? Может, ответишь уже хоть что-нибудь мне? Потому что это никуда не годится. — Настойчиво повторил Дин заметно поглубевшим голосом, лишавшим меня последней возможности отмолчаться. Он задал этот вопрос, сильнее вдавливая педаль газа и заставляя машину стремительно ускоряться на тёмном шоссе.

— Если он что-то испытывает ко мне, то не вижу с его стороны никакого смысла травить меня, как ты думаешь. А в остальном - его чувства это сугубо только его проблемы! Сегодня я просто ответила ему помощью на помощь.

— О, да! Сегодня ты ответила ему помощью на помощь, а завтра он перестанет считать это помощью и начнёт считать тебя своим правом!

— Нет! Я просто поддержала его и не более того, и....

Он остановил меня коротким, резким движением головы, будто отрезал путь моим оправданиям. Ему не нужны были оправдания. Они ему никогда не были нужны. Ему нужно было только одно — знать, что я останусь. Что я не исчезну из его жизни так же внезапно, как уже исчезала однажды.

— Поддержала... Конечно! Потому что ты чувствуешь себя обязанной ему, — перебил он, и в его голосе не было ни сарказма, ни злости, ни той привычной резкости, с какой он обычно говорил о Брендоне.

Он на мгновение отвёл взгляд, а затем усмехнулся.

— Я знаю это, Мел. Знаю, что ты чувствуешь себя в вечном долгу перед ним. За то, что он вытащил меня из тюрьмы. За то, что спас мою задницу, когда любой другой адвокат за бесплатно развернулся бы и ушёл. Он сделал это ради тебя, а не ради нас, просто, чтобы потом об этом напоминать тебе. — Дин покачал головой, словно спорил не со мной, а с собственными мыслями. — А потом он, вдобавок, посреди ночи вылетает с тобой в больницу к твоей матери и оказывает помощь! Не родственник. Не друг семьи. Не кто-то ещё. А долбаный Вуд! Твой бывший! Сука!

— Его помощь для моей матери здесь даже не обсуждается! И потом деньги за операцию и за перелет я ему вернула, а реабилитацию оплачивала я, продав квартиру! Он просто помог, и я благодарна ему за это, и буду благодарна до конца своих дней, за маму и за то, что он вернул тебя мне! Разве это преступление — быть благодарной?

Дин резко крутанул руль, сворачивая на Квинс, и машина взвизгнула шинами по влажному асфальту, прежде чем он ударил по тормозам и остановился у края обочины. Он повернулся ко мне всем телом, и в свете уличных фонарей его лицо показалось мне почти чужим — таким жёстким, таким напряжённым, что я невольно отшатнулась к двери.

— Ты не понимаешь, — произнёс он тихо, но в его голосе звенело столько всего невысказанного, что у меня мурашки побежали по спине. — Ты думаешь, это была благотворительность? Ты думаешь, он вытащил меня из тюрьмы просто потому, что ты попросила, просто потому, что вы когда-то были вместе, просто потому, что он хороший человек? — Он горько усмехнулся и покачал головой. — Нет, Мел. Для таких, как Брендон Вуд, это всё игра. Весь мир — игровая доска, а люди — фигуры, которые он передвигает так, как ему будет выгодно.

Он резко развернулся, в гневе пихнув спинку кресла, и впился в меня бешеным взглядом. Тяжёлое дыхание со свистом вырывалось из его груди.

— Он вытащил меня не ради тебя! Он вытащил меня, чтобы ты была ему должна! Чтобы ты чувствовала этот долг — вечный, неоплатный, — и чтобы он мог в любой момент прийти и швырнуть тебе это в лицо: «Мел, помнишь, кто спас твоего Дина? Помнишь, благодаря кому ты сейчас с ним? Помнишь?!» И черт возьми, Мел... Помнишь, с кем ты умчалась посреди ночи в больницу к своей маме? Он накинёт на тебя поводок, как на собаку, не успеешь даже опомниться!

— Это неправда! — выкрикнула я, но голос мой сорвался, потому что где-то глубоко внутри я боялась, что Дин прав. Боялась, что Брендон действительно был способен на такой расчёт.

— Вот увидишь, — отрезал Дин, чеканя слова с такой ледяной, пугающей чёткостью, что у меня кровь застыла в жилах. — И более того. Ты думаешь, я просто так ревную? Нет, Мел. Я знаю таких людей. Я знаю, на что они способны. У него закон в руках. У него связи. У него власть, какой у нас с тобой никогда не будет. И если он захочет нас разлучить — он найдёт способ. Я видел, как он на тебя смотрит. Я видел это сегодня. Он до сих пор любит тебя. И я ничего не могу с этим сделать. Я не могу запретить ему чувствовать. Не могу стереть ваше прошлое. Я могу только надеяться, что ты сама не передумаешь. Пойми, любая его помощь — это лишь способ подкупить тебя, придвинуть к себе ближе, потому что, я тебе, по факту, на данный момент, ни хрена дать не могу, кроме мужской защиты... И это сводит меня с ума.

Я смотрела на него, и моё сердце разрывалось на части. Потому что он был прав. Брендон действительно смотрел на меня так. И я не могла этого изменить. Но могла изменить то, как Дин это воспринимал.

— Ты не должен с ним конкурировать, — сказала я почти умоляющим тоном. — Потому что я выбрала тебя. Не его. Тебя. Еще тогда, когда ты не сказал мне всей правды о своем отце, а твой ублюдочный брат вывернул меня наизнанку, я могла уйти. Когда ты вышел на свободу и не мог найти работу, я могла уйти. Когда ты таскал ящики в порту и таскаешь по сей день, а я раскручивала салон, я могла уйти. Но не ушла. Потому что мне не нужен Брендон и его роскошная жизнь. Я жила так, и там нет ничего хорошего. Мне нужен ты. Такой, какой есть. С твоей ревностью, с твоим сарказмом, с твоими руками, которые пахнут портом и которые я целую каждую ночь, даже когда ты спишь и не чувствуешь. С твоей идиотской манерой врываться в комнату и швырять ключи на стол так, будто ты только что вышел из боя, хотя на самом деле просто принёс молоко. С твоим шёпотом, который слышу только я, когда ты склоняешься надо мной в темноте и думаешь, что я сплю. С твоей улыбкой, которая появляется только в те моменты, когда Бет засыпает у тебя на плече и ты боишься пошевелиться, чтобы не разбудить её. С твоими нежными поцелуями перед сном. С твоей тёмной стороной, которую ты так боишься мне показать, хотя я давно её знаю, и она не пугает меня, а только напоминает, через что ты прошёл ради нас. С твоей любовью, Дин, — грубой, молчаливой, собственнической. Вот что мне нужно. Не деньги. Не светская жизнь. Не безупречные костюмы, бренды и чёртовы дорогие машины. А ты. Понимаешь? Ты. И у нас все будет хорошо.

Он долго молчал. Потом медленно, очень медленно протянул руку и убрал прядь волос с моего лица. Его пальцы всё ещё дрожали.

— Да, я боюсь, Мел, — тихо произнёс он. — Честно боюсь, что однажды ты проснёшься и действительно поймёшь, что выбрала не того...

Я взяла его руку и прижала к своей щеке, чувствуя, как от его ладони пахнет табаком, а затем тяжело вздохнула, чувствуя, как внутри меня борются обида и понимание, гнев и бесконечная, всепоглощающая нежность к этому человеку.

— Я выбрала того, — прошептала я. — И я никогда, слышишь, никогда об этом не пожалею. Но ты должен перестать видеть в каждом моём шаге подвох. Потому что иначе мы разрушим всё, что строили. Не Брендон. А мы сами. Своими собственными руками.

В его янтарных глазах, всё ещё тёмных от пережитого гнева, я увидела нечто такое, отчего у меня перехватило дыхание. Он боялся. Он боялся, что мир, который мы с ним построили на руинах его прошлого — на крови его брата, на моих слезах и боли, на его потерянной военной карьере, — этот хрупкий, выстраданный мир снова рухнет. И на этот раз уже окончательно, бесповоротно, без права на восстановление.

Он закрыл глаза и так отчаянно прижался лбом к моему лбу.

— Поэтому я прошу тебя, Мел, — закончил он уже мягче, почти умоляюще. — Не давай ему повода. Ограничь его в общении, для твоего же блага.

Дин медленно отстранился от меня и снова закурил, продолжая путь.

— Ты говоришь о нем так, словно Вуд не адвокат, а Дон Корлеоне с дипломом Гарварда, который решает все проблемы одним звонком, а потом выставляет счёт в виде ужина при свечах.

— Я все сказал. Ты не его, Мел. Ты моя. И я не собираюсь делить тебя ни с кем, даже если этот кто-то человек, который когда-то спас мою свободу. Поняла?

— Поняла.

Свое слово я произнесла почти шёпотом, и оно повисло в прокуренном воздухе салона, как последняя надежда на то, что эта рана затянется, что эта трещина не пойдёт дальше, что мы снова сможем дышать, не чувствуя между собой эхо другого человека. Дин тяжело выдохнул, и его пальцы, всё ещё дрожащие после пережитого гнева, накрыли мою ладонь. Хватка была тёплой, крепкой, волнующей.

Я замолчала, переводя дыхание, и, глядя на блики в мокром асфальте, продолжила уже тише, почти жалобно:

— Дин, я не хочу больше ссориться. Я люблю тебя. Только тебя. И мне никто, слышишь, никто больше не нужен. И плевать я хотела, как Брендон на меня смотрит. Главное, что я на него никак не смотрю, и ничего к нему не чувствую.

Он сделал последнюю, самую глубокую затяжку, швырнул окурок в открытое окно и, притормозив на светофоре, наконец повернулся ко мне всем телом. Его взгляд всё ещё был тяжёлым, но из него уже ушла ледяная злость. Осталась только горечь и странная, невысказанная боль.

— Я тоже очень люблю тебя, детка, и знаю, что ты ни в чем не виновата, что всегда хочешь сделать как лучше, для себя, для нас, — произнёс он, тяжело дыша. — Знаю. Но внутри... — он ткнул пальцем себе в грудь, туда, где бешено колотилось сердце, — вот здесь... здесь у меня всё горит. И я ничего не могу с этим поделать. С того самого дня, как он вытащил меня из тюрьмы, уверен, он тебя не отпустил.

— Никто меня у тебя никогда не отнимет. Я здесь, — прошептала я, прижимая его ладонь к своей мокрой от слёз щеке. — Я с тобой. И останусь с тобой. Ты — моя жизнь. Не он. Не его чувства. Мои уже давно принадлежат тебе. И никакие взгляды, тем более то, что он чувствует, не изменят этого. Никогда. Ты веришь мне?.. После всего, через что мы прошли... неужели ты думаешь, что я могу променять тебя?

Я говорила и чувствовала, как каменеют его мышцы под моей ладонью. Он долго молчал, глядя прямо перед собой, а потом его плечи едва заметно опустились.

— Ладно, — выдохнул он, и это короткое слово прозвучало как прощение. — Всё, Мел. Забыли. Но, если честно, я хочу, чтобы ты поняла очень важную вещь. Вуд — это якорь, который тянет тебя назад. Я прошу тебя, держись от него подальше. Не давай ему повода подходить к тебе ближе, чем нужно.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова, и сжала его руку в ответ. И в этот момент, в салоне «Доджа» мы наконец помирились. Не потому что забыли, а потому что выбрали друг друга. Снова.

Когда мы подъехали к 34-авеню, к нашему дому, Дин заглушил двигатель. Он вышел первым, обошёл Додж и открыл мне дверь, как всегда галантно. Мы поднялись на наш этаж, и стоило двери квартиры открыться, как на нас обрушился звук маленьких быстрых шагов.

— Мама! — звонкий, радостный голосок, такой родной, такой чистый, что у меня защипало глаза.

Бетани выскочила из комнаты, в своих розовых носочках и домашнем костюмчике, с растрёпанными кудрями, с мягкой игрушкой в руках, и бросилась ко мне так стремительно, что я едва успела присесть, чтобы поймать её. Она обвила меня ручками за шею, уткнулась носом в мою щёку, и я почувствовала, как внутри тает весь страх, весь стыд, вся тяжесть дня.

— Мамочка, ты где была? Ты, что плакала? Ты заболела? — она тараторила, не давая мне вставить ни слова.

Я улыбнулась ей слабой, уставшей улыбкой, но настоящей.

— Со мной всё хорошо, солнышко. Я уже дома. Я с тобой.

Няня появилась в дверях гостиной с теплой улыбкой на лице.

— Мистер Армстронг, миссис Армстронг... Я так рада, что вы вернулись. Мы с Бетани отлично провели время, впрочем, как всегда.

Дин кивнул ей коротко, но вежливо. Бетани всё ещё висела у меня на шее, и я гладила её по спине, чувствуя, как её маленькое сердечко бьётся быстро быстро. И в этот момент я поняла: всё сумасшествие этого дня отступило на второй план, когда я держала в руках нашу маленькую дочь Бетани.

— Малышка уже поужинала, — отчиталась няня.

Миссис Джонсон, была из тех женщин, чей возраст терялся где-то между пятьюдесятью и шестьюдесятью, а спокойная, немного строгая манера одеваться — неизменная белая блуза,

тёмная юбка до колена, аккуратно заколотые волосы, отливающие потускневшим серебром, выдавала в ней ту породу людей, что привыкли к порядку и не терпят суеты. Бетани очень ее любила, она называла ее второй бабушкой. Миссис Джонсон стояла в прихожей, прямая как струна, и пальцы её, унизанные парой простых серебряных колец, сжимали ремешок потёртой кожаной сумки. С ней она приходила к нам уже не первый год, неизменно пунктуальная и неизменно спокойная, напоминая скорее заботливую сказочную тётушку Мэри Поппинс, чем наёмную работницу.

— Благодарю вас. Вы, можете идти. И простите, что так пришлось вам задержаться, — ответила я няне, отсчитывая наличные за сегодняшнюю работу.

— О, миссис Армстронг, вы дали мне гораздо больше, чем положено за день, я не могу столько взять...

— Возьмите, прошу.

— Благодарю вас. Завтра как обычно в семь утра?

— Нет, завтра вы можете прийти к десяти.

— Договорились, миссис Армстронг. Хорошего вечера, — добавила няня напоследок.

— До свидания, миссис Джонсон, до завтра! — озорным тоном выкрикнула Бет, махая своей маленькой ручкой.

— Пока, Бетани.

Она вышла, аккуратно прикрыв за собой дверь, и в квартире сразу стало как то особенно тихо и уютно. Возможно, потому что теперь мы остались вдвоем без посторонних лиц. Бетани всё ещё висела у меня на шее, тёплая, родная, пахнущая детским шампунем и ванильным печеньем.

Я осторожно опустила Бетани на пол, и она тут же схватила меня за руку, будто боялась, что я снова уйду.

— Мамочка, я вижу, что ты плакала. Вы что, поссорились с папой? — её вопросы сыпались один за другим, как маленькие камушки, катящиеся по склону.

Я присела, чтобы быть с ней на одном уровне, и погладила её по щеке.

— Всё хорошо, моя девочка. Мы не ссорились с папой. Я просто устала. И сейчас мы с папой уложим тебя спать, потому что детское время уже вышло, милая.

Дин наклонился, подхватил Бетани на руки, и она тут же, не раздумывая, обвила его шею маленькими ручками, прижавшись к нему всем телом и спрятав лицо у него на груди. Её носик коснулся чёрной футболки, и Дин замер на мгновение, млея от своей отцовской любви.

И тогда он впервые за весь вечер улыбнулся. Едва заметно, но искренне.

— Пойдём, принцесса. Пора спать.

— Пап, раз мама устала, может, ты мне прочитаешь сказку на ночь?

— Конечно, дорогая. Что мама тебе сейчас читает?

— Золушку, — пролепетала Бет.

— Зо-олушку? — протянул Дин, и в его голосе прозвучало что то такое тёплое, что я не слышала весь день. — Может, тебе почитать балладу о Робин Гуде, о благородном разбойнике, как он грабил жадных богачей, чтобы отдавать деньги и справедливость бедным и угнетенным, а принцесса?

Я негодуяще приподняла бровь, на что он улыбнулся еще больше.

И эта его едва заметная ухмылка, от которой у меня всегда подкашивались ноги, даже если я делала вид, что нет. Та, которая сводила меня с ума ещё тогда, когда мы только начинали встречаться. Та, которая сейчас, после всего, что произошло в доме Брендона, казалась почти невозможной, но всё же была.

— Нет, сначала дочитаем эту сказку, папа.

Бетани радостно улыбнулась, прижимаясь к нему сильнее, будто он был её самым надёжным якорем в мире. И, наверное, так и было. Мы вдвоем направились в детскую — Дин с

дочерью на руках, я рядом, чуть позади, наблюдая за ними и чувствуя, как внутри меня поднимается тёплое, но одновременно болезненное чувство. Семья. Моя семья. То, что я могла потерять сегодня, если бы всё пошло хоть немного иначе.

Детская встретила нас мягким светом ночника, разбросанными игрушками и запахом детского крема. Дин аккуратно опустил Бетани на кровать, поправил ей подушку, накрыл одеялом — так нежно, так уверенно, будто делал это всю жизнь. И я смотрела на него, не в силах отвести взгляд. Не успела я сосчитать до трех, как соседский пушистый кот прыгнул на наш подоконник и, мурча, медленно отправился к Бетани.

— Ой, привет, котик! — радостно затрепетала Бет детским голоском. — Иди ко мне «Барни», папа сейчас будет читать нам сказку, — малышка притянула к себе кота, и он свернулся калачиком на ее животе.

Как же она обожала этого соседского котика и ждала его каждый день, да так, будто это был уже не соседский кот, а ее личный. Мы не прогоняли его. Домашний зверь был чистым и ухоженным. И только Дин чихал иногда от его шерсти, но не прогонял пушистика.

За все это время, за все эти семь лет Дин практически не изменился, ни внешне ни характером. Он оставался всё тем же человеком, которого я встретила когда-то, и если время и оставило на нём какие-то следы, то они были не на коже, а где-то глубже, там, куда я научилась заглядывать за годы нашего брака.

Его характер, это не характер, а стальной стержень, обмотанный колючей проволокой. Упрямый. Он вспыхивал мгновенно, и так же мгновенно остывал, если понимал, что перегнул. Но пока он горел, находиться рядом с ним было всё равно что стоять у огня. Его ревность она никогда не была мелочной, а той самой, что идёт не от неуверенности в себе, а от абсолютной убеждённости, что всё, что принадлежит ему, должно оставаться его навсегда. И вместе с тем преданность.

Все тоже спортивное тело, все тот же взгляд — опасный и притягательный. И эта причёска. Та самая, чёрт бы её побрал, причёска с удлинённой чёлкой, которую я видела с того самого дня, как мы встретились. Немного короткие виски открывали резкую линию скул, а верх оставался пышным, густым, тёмно-русым, и чёлка — слишком длинная, чтобы считаться аккуратной, что всё время норовила упасть ему на лоб, закрывая глаза. И мне всегда так нравился его жест рукой, когда он убирал эти удлиненные пряди назад.

Дин взял книгу со столика, с потрёпанным корешком, которую я читала Бет последние недели, даже когда была без сил после работы, а Дин работал в ночные смены. Открыл на нужной странице, и сел рядом на край кровати.

— Ну что, принцесса, посмотрим, как там дела у Золушки? — спросил он, и Бетани счастливо заулыбалась, обнимая кота.

— Я помню, что она потеряла туфельку! — завопила Бет и устало потерла глазки.

Я стояла у дверей, прислонившись плечом к косяку, и наблюдала за ними. За тем, как Дин читает — низким, спокойным голосом, чуть меняя интонации для разных персонажей. За тем, как Бетани слушает широко раскрытыми глазами, с улыбкой, с полным доверием. За тем, как они выглядят вместе — так естественно и по семейному.

Я прикрыла дверь детской. И когда дверь мягко щёлкнула, отрезая меня от её спокойного дыхания и томного голоса Дина, читающего сказку, я почувствовала, как внутри меня давит напряжение за сегодняшний день, и медленно направилась в ванную, будто ноги были налиты свинцом. Каждый шаг отзывался в теле тупой болью, но только не физической, а той, которая приходит после сильного стресса, когда организм наконец понимает, что опасность миновала, и позволяет себе рухнуть.

Ванная встретила меня мягким почти ласковым светом. Да, это не моя ванная комната на элитной Парк-авеню, 432, но тем не менее, я благодарна тому, что была крыша над головой, а я моя мать не осталась инвалидом. Рано или поздно у нас будет другая квартира, нужно лишь

только время. Я закрыла дверь, повернула замок, желая принадлежать только себе. Только своему дыханию. Только своей коже. Только своей усталости.

Я включила горячую воду и ждала до тех пор, пока пар не начал подниматься над ванной, заполняя комнату мягкой дымкой. Шум воды был таким ровным и успокаивающим, что я на секунду закрыла глаза и просто слушала, как вода бьёт по эмали. Как пар шуршит, поднимаясь вверх. Как моё собственное дыхание становится глубже, медленнее.

Одежда одна за другой падала на пол, словно вместе с ней я сбрасывала с себя всё, что успело случиться за этот бесконечно долгий день. Блузка, юбка, бельё — каждый тихий шорох казался ещё одним шагом прочь от тяжёлых воспоминаний. Горячая вода мягко сомкнулась вокруг тела, заставив на мгновение задержать дыхание. Тепло медленно проникало под кожу, расслабляя напряжённые мышцы, и впервые за весь день появилось ощущение, что вместе с каждым вдохом становится немного легче.

Я погрузилась глубже, позволяя воде накрыть меня до плеч. Горячие волны медленно растекались по телу, смывая липкий страх, стыд, тревогу — всё то, что я носила на себе с того момента, когда открыла глаза в чужой постели, а затем медленно провела ладонью по лицу, будто стирала с себя взгляд Брендона.

Мои пальцы немного дрожали, но напряжение уже начало отпускать. Горячая вода стекала по шее, по ключицам, по груди. Я закрыла глаза и позволила себе раствориться в тепле. И впервые за весь день позволила себе плакать. Тихо. Беззвучно. Так, что слёзы смешивались с горячей водой, и невозможно было понять, где заканчивается одно и начинается другое.

Но плакала я уже не от того стыда.

Я плакала от усталости. От того, что держалась слишком долго. От того, что сегодня пришлось быть сильной, когда хотела быть слабой. От того, что Дин смотрел на меня так, будто я могла исчезнуть в любую секунду, больно предав. От того, что Брендон смотрел на меня так, будто я уже исчезла из его жизни, но он всё ещё держал моё имя в сердце. От того, как мне не хватало моей подруги. Переживания за то, что мы навечно останемся жить в этой квартире, что мой салон полетит к чертовой матери, и я не справлюсь с задачами, за то, что мало виделась с дочерью, а у Дина практически не было работы, — всё это психологически сбивало с ног.

Я погрузилась глубже, что горячая вода сомкнулась над ушами, и мир исчез. Звуки стали глухими, будто кто-то накрыл меня плотным одеялом. Я слышала только собственное, тихо бьющееся сердце и шум крови. Закрыв глаза, я позволила воде полностью накрыть лицо, волосы, виски, и даже не заметила, как задержала дыхание чуть дольше, чем нужно. Не заметила, как мысли начали расплываться, становиться мягкими, тягучими, будто растворялись в горячей воде. Не заметила, как мир за пределами ванной начал исчезать.

Глава 6

МЕЛИССА АРМСТРОНГ

Секунда, две, три... Двадцать пять... Тридцать...

Тяжёлый удар сотряс дверь ванной, а следом послышалась короткая, сорвавшаяся на хрип ругань. Не успела я ничего понять, как сильные руки рывком подняли меня из воды. Воздух с болью ворвался в лёгкие, заставив судорожно закашляться, а над самым ухом раздалось прерывистое, тяжёлое дыхание Дина.

— Мелисса! — голос его был хриплым, сорванным, полным паники.

Я моргнула, пытаясь сфокусировать взгляд. Капли воды стекали по лицу, по ресницам, по губам. Я задрожала оттого, что реальность вернулась слишком резко.

— Господи, Дин, что ты делаешь, ты меня напугал!

Он держал меня крепко, почти болезненно, прижимая к себе.

— Это я что делаю? Это ты меня напугала!

Его белая футболка была мокрой от моих волос, а дыхание рваным, будто он сам только что вынырнул. Его челюсть была сжата, и я увидела, как в его глазах мелькнул дикий страх. Он прижал меня к себе ещё сильнее, будто проверяя, что я живая, тёплая, здесь, а затем легкий гнев накрыл его.

— Да какого черта, Мел? Я смотрю ты за день пытаешься умереть уже во второй раз! — твердо проговорил он, но голос его все равно дрогнул. — Какого хрена ты делаешь, у нас все же хорошо! Да что с тобой такое?

Я закашлялась, захлёбываясь воздухом и водой, которая всё ещё стекала по моему лицу, по шее, впитываясь в волосы и холодными дорожками пробегая по коже. Каждый вдох давался с трудом, будто лёгкие забыли, как нужно работать, а перед глазами всё расплывалось в бесформенное пятно из света и теней.

Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь в ушах глухими ударами, и какое-то время я вообще не могла понять, что он говорил. До меня доносились лишь обрывки его голоса — отдельные слова, вырванные из общего шума: «Мелисса», «какого чёрта», «умереть уже второй раз».

— Дин... — прохрипела я, пытаюсь поднять голову, но она была такой тяжёлой, словно налилась свинцом. — Я просто... я не...

— Ты. Не. Что?! — Он встряхнул меня за плечи, не сильно, но достаточно, чтобы я наконец сфокусировала взгляд на его лице. Его глаза — те самые, янтарные, которые я любила, — сейчас горели таким диким страхом, какого я не видела в них никогда. — Ты не думала, что я могу испугаться?! Ты не думала, что я, чёрт возьми, чуть с ума не сошёл, когда вошёл в ванную и увидел тебя под водой?! О чём ты вообще думала, Мел?!

— Я не... — слёзы душили меня, и слова выходили рваными, бессвязными. — Я не топилась, Дин. Клянусь. Я просто полностью погрузилась вот и все! Я бы никогда...

Я не договорила, потому что он вдруг резко выдохнул так, словно весь воздух разом вышел из его лёгких, и опустился на колени прямо в лужу воды на полу ванной. И в следующую секунду его руки снова сомкнулись вокруг меня, но теперь не грубо, не требовательно, а отчаянно. Он прижал меня к своей мокрой футболке так крепко, что я слышала, как бешено бьётся его сердце.

— Я подумал... Господи, Мел, я подумал...

— Прости, — прошептала я, обхватывая его руками и прижимаясь к нему так сильно, как только могла. — Прости, прости, прости. Я не хотела тебя пугать. Я просто... устала. За

этот день я так устала, Дин. Похороны, потом этот обморок, потом Брендон, этот позор, потом ты... Я просто хотела смыть с себя этот день. И, видимо, переоценила свои силы.

— Мел, ты за этот день устроила мне слишком много экшена, — тихо произнёс он, тяжело опустив плечи. Он потёр ладонями лицо, словно смывая остатки ярости, и шумно выдохнул. — Мой лимит на драмы исчерпан.

— Прости, я не хотела. Я правда не хотела...

Он провёл ладонью по моему лицу, убирая мокрые пряди, и его пальцы были холодными, а затем он подал мне большое махровое полотенце.

И тут его взгляд стал жёстче. Глаза горели тёмным, собственническим, почти хищным огнём, который пробуждался в нём только тогда, когда я переходила грань своего поведения. Он смотрел на меня так, словно уже прокрутил в голове всё, что сделает со мной.

— Знаешь, Мел, — произнёс он низким, грудным голосом, от которого мурашки побежали по позвоночнику, — за сегодня ты устроила мне два сердечных приступа. И если ты думаешь, что я просто уложу тебя спать, после того, как ты знатно потрепала мне нервы, то ты глубоко ошибаешься.

Он провёл большим пальцем по моей нижней губе — едва касаясь, почти невесомо, и его взгляд на мгновение опустился ниже, на мои ключицы, на полотенце, прилипшее к груди, а затем снова вернулся к моим глазам.

— Этой ночью, — сказал он так тихо, что я едва расслышала, но каждое слово впечатывалось в меня, как клеймо, — ты не уснёшь, пока я не увижу, что вернул тебя к жизни. И пока не увижу, что ты поняла. Поняла, кто твой муж. Поняла, что я чувствую, когда ты в опасности. И запомнила это.

Он резко поднялся с колен, потянув меня за собой, и я оказалась прижатой к его груди мокрой, дрожащей. Полотенце плотно обволакивало моё тело, но именно объятия Дина сейчас давали мне тепло. Он подхватил меня на руки, и понёс в спальню, даже не потрудившись закрыть дверь в ванную. И в его взгляде, брошенном на меня сверху вниз, я прочитала то, что заставило моё сердце замереть, а потом забиться с утроенной силой. Эта ночь будет долгой. И он не остановится, пока я не запомню каждое его прикосновение. Пока не пойму. Пока не поверю, что я — его. И что он никому, никогда, ни за что меня не отдаст.

Коридор тонул в полумраке, где дрожащий свет настенных ламп заставлял тени, отбрасываемые нашими телами, медленно скользить по стенам. До меня отчётливо донёсся его тяжёлый вдох, а затем тихий, почти незаметный звук, с которым он сглотнул. Пальцы, лежавшие на моей талии, едва ощутимо сжались сильнее, словно он боялся ослабить хватку хотя бы на мгновение. Даже сквозь разделявшую нас одежду я чувствовала, как быстро и тяжело билось его сердце, совпадая в такт с моим.

В полумраке спальни он опустил меня на кровать и матрас слегка прогнулся подо мной. Полотенце, едва державшееся на груди, вовсе ослабло и сползло на несколько дюймов, открывая ключицы, плечи, влажную кожу. Я попыталась приподняться на локтях, но Дин уже навис надо мной, опираясь ладонями по обе стороны от моей головы, запирая меня в клетку из своих рук, из которой не было выхода, да я и не искала его.

— Я обещал, что разговор мы продолжим ночью в нашей с тобой постели?

— Так сделай уже так, чтобы твою жену больше не носили чужие руки до чужой постели...

Клянусь, после моих слов, я видела, как его глаза потемнели с демонической силой. Не разрывая зрительного контакта, он резко подхватил меня под ягодицы, заставляя обхватить его торс ногами.

— Провоцируешь? — ухмыльнулся он, прищуривая глаза, и я сглотнула.

Когда моя спина коснулась постели, он остановился, продолжая смотреть на меня сверху вниз. Его взгляд был настолько глубоким и откровенным, что не нуждался ни в одном слове. В нём смешались власть, обожание, жгучее желание, облегчение от того, что я наконец рядом.

— Ты хоть понимаешь, что я дважды пережил за этот день? — голос прозвучал низко, и каждая фраза буквально придавливала меня к постели. — Когда ты лежала в постели бывшего? Когда увидел тебя в ванной под водой? Ты хоть понимаешь, что я пережил за эти моменты? А, может, ты специально выводишь меня на эмоции?

— Дин... — прошептала я, но он не дал мне договорить.

— Молчи. Ты сегодня слишком много говорила. Слишком много оправдывалась. Слишком много просила прощения. А теперь я хочу, чтобы ты просто чувствовала. Чувствовала, как люблю тебя... — И я буду трахать тебя так, чтобы ты запомнила. Чтобы завтра чувствовала меня каждым движением. Завтра, послезавтра, всегда...

Его рука легла на край полотенца и одним резким движением сорвала его с меня, а я замерла под тяжестью мужского взгляда, потому что в этот момент Дин смотрел на меня не просто с желанием, а с той глубиной чувства, которую он всегда прятал за холодностью и молчанием. Его глаза медленно скользнули по мне и вернулись к моим. И в этой янтарной глубине снова вспыхнул огонь власти, который я увидела в нашу первую ночь, только теперь он был сильнее, потому что в нём смешались страсть, боль, любовь и страх потерять меня.

Дин стянул с себя влажную футболку через голову одним резким движением, будто не хотел больше оставлять между нами ни одной преграды, и я увидела его рельефное спортивное тело. Тело, которое знала наизусть, каждую мышцу, каждую линию, каждый выдох.

Он не был нежен. Не был осторожен. Он был собой.

И тогда он запустил пальцы в мои волосы, сжал у корней, оттягивая голову назад, открывая мою шею. И припал к ней губами, что молниеносно привело меня в чувства. Положив руки ему на плечи, я зажмурилась, чувствуя, как его язык проходит по пульсирующей жилке, как его ровные идеальные зубы слегка смыкаются на коже, оставляя след, а затем Дин впился в мои губы поцелуем. И он был не ласковым, не вопросительным, а утверждающим, почти грубым, и я ответила ему с той же силой, потому что мне тоже это нужно было. Его руки скользнули по моему телу, они требовали, сжимали, оставляли следы, которые завтра превратятся в синяки, и мне было плевать. Я хотела этих следов. Хотела, чтобы он оставил их на мне, как клеймо, как напоминание, как доказательство того, что я и только я принадлежу ему, а он — мне.

Его пальцы умело коснулись моей промежности, а затем медленно проникли внутрь и я прикусила губу. Но он не торопился. Он рассматривал меня так, будто видел впервые. Медленно, смакуя каждую деталь. Я видела, как его дыхание стало глубже, как выступили вены на его шее, и как напряглись мышцы тела.

А затем одним движением он раздвинул мои колени и вошёл так резко, глубоко, без предупреждения, и я глухо вскрикнула, выгнувшись ему навстречу. Дин замер на секунду, и я видела, как напрягаются его мышцы на руках, как он сдерживает себя из последних сил.

— Смотри на меня, — приказал он. — Не закрывай глаза. Я хочу видеть тебя. Всю. До конца.

И я смотрела. Смотрела, как он владеет мной. Жестко, властно будто запоминая каждую секунду, а потом всё быстрее, теряя контроль, который он так отчаянно пытался удержать. Его дыхание стало рваным, хриплым, а я обхватила его ногами, притягивая ближе, глубже. Был только он. Только мы. Только эта чертова кровать и этот момент, в котором он возвращал меня к жизни единственным способом, который знал.

Армстронг не давал мне опомниться. Не давал времени перевести дыхание или найти равновесие в этой сладкой, пульсирующей темноте, куда он меня утащил. Он брал меня жёстко, но не грубо. Так как нравилось мне. Как нравилось нам обоим. В каждом его толчке было столько накопившейся за день страсти, злости, что я чувствовала себя расплавленной, раство-

рённой в нём без остатка. Сжимая мои бедра, он целовал соски, шею, ключицы — хаотично, куда попадал, не в силах оторваться ни от одного участка моего тела.

Его пальцы всё ещё оставляли следы на моих бёдрах, когда он вдруг остановился, замерев на мгновение надо мной. И его тот самый тяжелый взгляд, потемневший от желания, скользнул по моему лицу, по приоткрытым губам, по шее с бьющейся на ней жилкой, и я увидела, как в его глазах разгорается новый огонь. Не тот, что только что бушевал пожаром. Он был более опасный. Огонь, который не сжигает сразу, а тлеет часами, мучительно, невыносимо, пока ты не обратишься в пепел.

— Почему остановился?.. — взмолилась я.

— Спокойно, милая леди. Я ещё не закончил с тобой, — произнёс он томно, и где-то глубоко внизу живота сладко заныло в предвкушении.

Он перевернул меня на живот одним быстрым, властным движением, и я почувствовала, как его ладони ложатся на мои ягодицы, сжимая их с той самой силой, которая балансировала на грани между удовольствием и болью. Я уткнулась лицом в подушку, чувствуя, как сердце колотится непонятно где, и слышала его тихий, почти рычащий смехок — тот, от которого у меня всегда перехватывало дыхание.

— Ты сегодня очень плохо себя вела, Мел, — прошептал он, склоняясь к моему уху. Его горячее дыхание обожгло мне шею, и я вздрогнула, когда его губы коснулись чувствительного местечка за ухом, того самого, о котором он знал с первого нашего раза и которое он безошибочно находил даже в полной темноте. — Очень плохо. И знаешь, что бывает с плохими девочками?

Его пальцы медленно, почти лениво, скользнули по моему позвоночнику, прочерчивая невидимую линию от шеи до поясницы, и от этого простого прикосновения я выгнулась. Но он не торопился. Он ждал. Ждал, пока я потеряю терпение, пока я начну извиваться под его руками, умолять, пока сама не попрошу, а я знала, что попрошу, рано или поздно, и он знал, и в этом была вся наша игра, вся наша динамика, весь наш брак, построенный на том, что я просила, а он давал, и оба получали от этого ровно то, что хотели.

— Дин, пожалуйста... — выдохнула я в подушку, и мой голос прозвучал жалобно, почти умоляюще, но я знала, что ему это нравится. Ему всегда нравилось, когда я просила, когда умоляла.

— Пожалуйста — что? — Его губы блуждали по моему позвоночнику, оставляя влажную дорожку из поцелуев, лёгких укусов, горячего дыхания. — Скажи... — медленно протянул он. — Скажи, что ты хочешь. Я хочу это услышать.

— Я хочу тебя. Всего. Сейчас. Пожалуйста, молю...

Он замер на мгновение, и я почувствовала, как его губы изогнулись в усмешке прямо у моего позвоночника.

— Молишь? — его шёпот обжёг кожу между лопаток. Горячее дыхание зазмеилось вниз, к пояснице. — Не слышу, Мел?

— Да... — простонала я, прогибаясь в спине, чтобы быть к нему ещё ближе.

— Громче, — потребовал он, и его ладонь сжала мою талию. — Я хочу слышать, как ты умоляешь. И клянусь, Мел, если бы не наша малышка через стену, то сейчас весь бы этот чёртов дом знал, чья ты.

— Я твоя... Дин, пожалуйста... — всхлипнула я тихо, уже теряя остатки разума.

Его пальцы медленно скользнули под низ моего живота, заставляя меня мгновенно замереть в сладком ожидании, и его голос внезапно перешёл на томный густой баритон, пробирающий меня до самых костей:

— Ты осознаёшь свои поступки? — хищно прорычал он, сгребая меня в охапку и ставя на четвереньки. Его пальцы до боли впились в мои бёдра, притягивая к себе, не оставляя ни

единого шанса на сопротивление. Я стояла перед ним на коленях, упираясь ладонями в скотканную простыню, чувствуя себя абсолютно беззащитной и абсолютно его.

— Не слышу, Мел. Ты осознаешь свои поступки? — хлесткий шлепок по заднице обжег кожу.

— Осознаю... — прохрипела я, закрывая глаза.

Одной рукой он надавил мне на поясницу, заставляя прогнуться сильнее, а второй скользнул по внутренней стороне моего бедра. Когда он резко, одним толчком вошёл в меня сзади так глубоко, что я прикусила губу до боли, чтобы не вскрикнуть, вцепившись пальцами в простыню, сминая ткань в кулаке.

Ритм, который он задал, был не тем жёстким, которым он брал меня минуту назад. Теперь он был медленным, тягучим, почти мучительным, и каждое движение было наполнено такой концентрированной властью, таким абсолютным контролем, что я чувствовала себя глиной в его руках — податливой, горячей, послушной, готовой принять любую форму, какую он захочет мне придать.

— А теперь я хочу, чтобы ты почувствовала меня. Всего. Без остатка. Ты будешь повторять, что ты моя, пока я не поверю, что ты это запомнила. Ты поняла?

Он не двигался, ожидая ответа, и я, задыхаясь, выдохнула:

— Да... да, Дин... Я всё поняла... Только не останавливайся... Я сделаю всё, что ты скажешь...

— Всё, что скажу? — Его губы сомкнулись на мочке моего уха. — Хорошо, детка. Тогда повторяй: «Я больше никогда не доведу тебя до такого безумия».

— Я больше никогда... ах!.. не доведу тебя... до такого безумия... — сбиваясь с дыхания, прохрипела я, содрогаясь от его движений.

Он ускорился. Его движения стали глубже, резче, напористее, и я чувствовала, как внутри меня разгорается пожар, который только он умел разжечь. Мир вокруг перестал существовать. Не было ни спальни, ни квартиры, ни Нью-Йорка за окном. Было только его тело, его дыхание, его голос, его руки — всё остальное исчезло, растворилось, сгорело дотла. И когда Дин повалил меня на постель, придавив собой, он переплёл свои пальцы с моими, прижимая мои ладони к кровати, фиксируя меня, лишая контроля. В его голосе прозвучала мрачная нежность:

— А теперь скажи: Я люблю только тебя. Даже когда ты злишься. Даже когда я веду себя как последний ублюдок. Скажи это.

— Я люблю только тебя... Всегда тебя... — отчаянно закричала я, почувствовав его внезапный и глубокий толчок, от которого я на мгновение перестала дышать, и тогда он резко зажал мой рот своей ладонью. И стоны мои превратились в жалобные звуки.

— Вот так, моя девочка... — простонал он мне в затылок.

— Люблю... — рыдала я уже от переизбытка чувств, когда он накрыл мой затылок своей большой ладонью, прижимаясь губами к шейному позвонку. — Боже, да, я люблю тебя! Люблю...

— И я люблю тебя, Мел, — выдохнул он куда-то в ухо, резко ускоряясь. — Люблю до безумия... до ненависти... ты — моя чёртова душа...

Его финальные слова потонули в общем шуме, когда мы оба рухнули в пропасть, и его тело, наконец, обмякло, придавив меня своей надёжной, тяжёлой защитой. Ещё с минуту мы лежали, не в силах пошевелиться, и я слышала, как его сердце гулко колотится где-то у моего плеча. Он уткнулся носом в мои мокрые волосы и прошептал, восстанавливая дыхание:

— Моя любимая, — выдохнул он, наклоняясь ниже и прижимаясь твердыми грудными мышцами к моей спине.

— Твоя, — простонала я, и это было правдой. Самой абсолютной, самой неоспоримой правдой.

— Никогда больше так не делай, — прошептал он. — Никогда. Я не переживу ещё одного такого дня. И еще, Мел... Ты все поняла, что я сказал тебе про адвоката? — спросил он тихо, но в голосе слышалась жесткость, которую он использовал только в самых серьёзных разговорах.

— Да... — я подняла на него взгляд, чувствуя, как веки тяжелеют от усталости.

— Я ему не доверяю. — Он сделал короткую паузу, будто подбирая слова. — Я знаю, как себя ведёт мужик, у которого нет чувств к бывшей девушке, так что держись от него подальше.

Теперь внутри меня поднялись мысли, от которых я больше не могла спрятаться. Да, адвокат помог мне. Он никогда не оставался в стороне, когда мне была необходима помощь, такая, где кроме никого никто не мог помочь.

Но...

В памяти снова всплыл тот момент, когда Дин появился в дверях спальни, а Брендон остался стоять напротив него, погружённый в странное, почти гнетущее молчание. Он мог бы объяснить всё сразу. Но он действительно ничего не сказал. Ни одной попытки развеять то напряжение, которое повисло между ними. Словно Вуд был не рад, что за мной приехал муж. Словно не хотел отдавать меня ему. И, выходит, он действительно этого не хотел?..

— Дин... — я тихо выдохнула, не поднимая глаз. — Обними меня крепче...

— Иди ко мне...

Дин медленно выдохнул, так, будто очень сильно переживал. Он провёл пальцами по моей щеке, убирая влажную прядь волос. Я закрыла глаза, чувствуя, как тепло и защита Дина накрыла меня сильнее одеяла. Он поцеловал меня в губы, и я ощутила, как его пальцы начали ерошить мои волосы на макушке, отчего у меня всегда таяло сердце.

— Спи, любимая, — сказал он. — Я рядом.

— Всегда? — спросила я, зная ответ, но всё равно needing в подтверждении.

— Всегда, — произнёс он, нежно прижимая меня к своему сильному рельефному телу, и столько непоколебимой веры звучало в его словах, что мне наконец удалось спокойно сомкнуть веки.

И я знала, что это правда. Я чувствовала это каждой клеткой своего тела. Потому что он говорил это не губами. Он говорил это душой. И знала, что завтра утром он разбудит меня поцелуем, и всё начнётся заново. И я ждала этого. Потому что каждый день с ним был подарком, каждую ночь — наказанием и благословением одновременно. И я не хотела другой жизни. И не хотела никого другого.

Глава 7

БРЕНДОН ВУД

Иногда мне казалось, что вся моя жизнь разделилась на два неравных периода. Один из них был наполнен тихой уверенностью, ясностью и ощущением того, что я наконец нашёл человека, рядом с которым мог быть собой. А второй стал бесконечной чередой попыток убедить себя, что я способен жить дальше, хотя в глубине души прекрасно понимал: я потерял не просто женщину. Я потерял ту единственную, чьё присутствие делало мир вокруг меня осмысленным и тёплым. Я любил Мелиссу не так, как любят мимолётные увлечения, не так, как любят удобных партнёров, не так, как любят тех, кого можно заменить.

Когда я впервые встретил её в галерее The Metropolitan Museum of Art, среди высоких залов, приглушённого света и картин, которые пережили целые поколения людей, я даже не сразу заметил саму выставку. Моё внимание оказалось приковано не к полотнам на стенах, а к девушке, которая стояла перед одной из картин и смотрела на неё так, словно пыталась услышать историю, которую художник оставил между мазками. Она не была похожа на остальных посетителей. Кто-то проходил мимо, оценивая известные имена и стоимость работ, кто-то фотографировал, чтобы сохранить момент, но она просто стояла, полностью погружённая в то, что видела перед собой. В тот момент мне впервые стало интересно не то, кем она была, а о чём думала.

Я помню, как подошёл к ней и сказал что-то совершенно банальное о картине, хотя обычно никогда не позволял себе таких глупых попыток начать разговор. Но она улыбнулась, и эта улыбка выбила из меня больше, чем я ожидал. В ней не было игры, кокетства или желания произвести впечатление. Она была настоящей.

И именно тогда я понял, что хочу узнать её.

Не любимый цвет или привычки. Я хотел знать, что заставляет её смеяться, чего она боится, какие воспоминания она хранит, о чём думает, когда остаётся одна. С каждым днём рядом с ней я всё сильнее понимал, что дело уже не в восхищении и не в симпатии. Она стала тем человеком, чьё присутствие меняло всё вокруг. Обычный вечер становился лучше только потому, что она была рядом, а самые тяжёлые дни становились терпимее после одного её сообщения или короткого звонка.

И я пытался ее забыть, после того, как наши отношения закончились. Господи, как же я пытался годами забыть.

Я с головой уходил в работу, в дела, в судебные процессы, в бесконечные бумаги, в холодные переговоры, в жесткие решения, которые должны были отвлечь меня от мысли о том, что она теперь принадлежит другому человеку, что она носит его фамилию, что она живет с ним в одном доме, что она улыбается ему так, как когда то улыбалась мне.

Но вскоре случилось то, что меня окончательно добило. Морально.

Однажды вечером, когда я вернулся домой, мать готовила ужин - свое фирменное блюдо, а затем, когда я направился к ней, чтобы поприветствовать как обычно поцелуем в щеку, как вдруг она замолчала на полуслове. Просто оборвала приветственную фразу и застыла, словно прислушиваясь к чему-то внутри себя. Затем её лицо резко побледнело, а пальцы судорожно прижались к груди.

Я успел только произнести: «Мам, что с тобой?», когда она попыталась сделать вдох, но воздух словно застрял у неё в горле. В её глазах мелькнула острая боль, и в тот же миг мать начала оседать на пол. Я бросился к ней, подхватил за плечи, удерживая на руках, и почувствовал, как тело вдруг становится тяжёлым и безвольным. Всё произошло настолько быстро,

что мой разум отчаянно отказывался принимать очевидное. Ещё минуту назад она стояла за плитой и делала то, что всегда делала с любовью, теперь не отвечала на мои слова.

Я звал её. Тряс за плечи. Пытался нащупать пульс дрожащими пальцами. Не помню, как вызвал скорую. Не помню, что говорил диспетчеру. Помню только нарастающий ужас и отчаянную уверенность, что стоит подождать ещё немного — и она обязательно откроет глаза. Когда приехали врачи, они сразу начали реанимацию. Их движения были быстрыми, отточенными, спокойными, и какое-то время я цеплялся за это спокойствие. Если они работают, значит, ещё не всё потеряно. Если они продолжают бороться, значит, надежда ещё есть.

Но надежды не было.

Позже мне сказали, что причиной, вероятнее всего, стал обширный инфаркт, который привёл к внезапной остановке сердца. Они объясняли, что некоторые заболевания могут долго никак себя не проявлять, что первые симптомы легко принять за обычное недомогание, что даже своевременная помощь не всегда способна изменить исход.

Я почти не слышал их. Потому что в тот момент весь мир словно утонул в тишине. В той страшной, оглушающей тишине, которая остаётся после человека, чей голос сопровождал тебя всю жизнь. Я смотрел на её мертвое лицо и впервые по-настоящему осознавал, что больше никогда не услышу ее голоса, не увижу её улыбки. Она была единственной женщиной, которая никогда меня не предавала. Единственной, кто любил меня не за деньги, не за статус, не за возможности, которые я мог дать, а просто за то, что я был ее сыном.

И именно тогда я понял, что остался совсем один. Разумеется, я понимал, что мать не вечна, но тем не менее, я не был к этому готов, не сейчас... Как и не был готов к новым отношениям после Мелиссы...

Вместе с этим пришло ощущение, будто внутри меня что-то надломилось и уже никогда не сможет стать прежним. Надломилась тонкая нить, которая связывала меня со мной, с тем человеком, который еще мог прощать, еще мог надеяться, еще мог любить и быть добрым.

На следующий день я проснулся в пустом доме и понял, что ненавижу. Ненавижу не смерть, не болезнь, а все на свете. Но особенно — Мелиссу. За то, что она лгала мне. За то, что улыбалась мне в лицо, пока за моей спиной трахалась с другим. За то, что обратилась ко мне за помощью, когда ее драгоценный Дин сидел в тюрьме, и сделала это так, будто я был ей должен. За то, что я, дурак, вытащил этого ублюдка на свободу, дал ему шанс на семейную жизнь, которую он у меня же и украл.

А ведь сейчас она вполне могла являться моей законной женой, и тогда внезапная потеря матери не отзывалась бы во мне такой удушающей внутренней пустотой, ведь присутствие Мел помогло бы мне гораздо легче перенести это тяжелое траурное время.

Я смотрел на свои руки и думал: эти руки спасли человека, который разрушил мое счастье. Эти руки подписали судебные бумаги, которые вернули его к ней. И даже то, что брат Дина изнасиловал Мел, в моей голове уже тогда это выглядело как карма за ее предательство. Да, я думал об этом. Ведь будь она со мной, этого бы не случилось. Но она сделала свой выбор, и этот выбор привел ее в ад, из которого она потом прибежала ко мне за спасением. И я спас ее. Снова. Как последний глупец, верящий, что однажды она оценит это, что однажды она все же посмотрит на меня иначе. Но она не посмотрела. Она взяла мою помощь, как берут должное, и ушла с ним. Она счастлива с ним. Она носит его фамилию, она чудом родила ему дочь, она просыпается рядом с ним каждое утро, и все это — благодаря мне.

И пусть она уже получила за свое предательство, теперь я лично хотел нанести удар. Не физически — это не про меня, ведь я не был тем, кто пачкает руки кровью. Я уничтожу ее морально. Медленно, так, чтобы она сама не поняла, как это произошло. Я буду рядом. Буду помогать ей, поддерживать ее, решать ее проблемы, и каждая моя помощь, каждый мой чек, каждый мой звонок будет не спасением, а очередным гвоздем в крышку ее гроба. Я хочу, чтобы она чувствовала себя обязанной мне. Чтобы она стыдилась того, что снова и снова приходит

ко мне, потому что ее муж не может дать ей то, что могу дать я. Я хочу, чтобы она смотрела на меня и видела живое напоминание о своем предательстве.

Я хотел, чтобы каждое мое «да» звучало для нее как обвинение. Чтобы каждая моя помощь была для нее унижением. Чтобы она знала: все, что у нее есть, — благодаря мне. И чтобы эта мысль разъедала ее так же, как меня разъедала мысль о том, что я, когда-то был настолько слеп, что поверил в ее любовь. Я хотел, чтобы она поняла, каково это — когда человек, которому ты верил, который был частью тебя, вдруг оказывается предателем. Я хотел, чтобы она страдала. Мучительно, осознавая каждую секунду своего падения, как осознавал я, стоя над гробом матери и понимая, что остался один в этом мире. Смерть матери стала для меня катализатором.

Я стал одержим. Эта мысль жгла изнутри, как кислота. Она не давала мне спать, не давала есть, не давала работать. Я просыпался среди ночи и видел перед собой их лица: ее — с этой фальшивой улыбкой, с этими лживыми глазами, и его — с этим тупым, самодовольным выражением, которое я хотел стереть с его лица голыми руками. Я хотел, чтобы она почувствовала то, что чувствовал я. Ту же боль, то же унижение, позор, когда придумывал для матери историю: почему Мел ушла, ту же пустоту, которую носил в себе все эти годы.

Я должен стать для нее незаменимым. Должен войти в ее жизнь так глубоко, чтобы она не могла от меня отказаться. И тогда план вызрел во мне постепенно, как отравленный ядом плод. Я начал с приглашения на похороны своей матери. И знал, что Дин воспримет это в штыки, а Мел просто не сможет отказать — из-за чувства долга передо мной. Ведь когда-то я спас человека, который теперь является её мужем.

Единственное, что не входило в мои первоначальные планы, — это операция для её матери и продажа той квартиры на Парк авеню. Тогда я действительно помог, не думая ни о чём. Болван. Я лишь видел, как она мечется, как готова на всё, лишь бы спасти мать, и я помог. Без расчёта, без задней мысли, просто протянул руку, как делал это всегда, потому что сам был готов ради своей матери на все. Мел, разумеется, приняла мою помощь — в очередной раз, чему я даже не удивлён. Она всегда принимала её как должное. Но теперь, оглядываясь назад, понимаю, что этот момент стал первым камнем в фундаменте того, что я строю сейчас.

Мел думает, что она действительно потеряла сознание, но как бы не так. В ее бокале был легкий препарат, тихо подсыпанный мною. После чего я отнес ее в свою постель и ждал, когда Дин явится сюда и увидит не лучшую для него картину, а Мел испытает стыд и позор, что впрочем и произошло. То, что она пролила на себя вино мне еще больше сыграло на руку. Я раздел ее лично своими руками, никаких докторов не было. И пока она спала около часа, гости уже постепенно начали уходить один за другим. И мы в доме остались одни. Скорбь, боль и ненависть душили меня как удавка, одновременно смешиваясь в один горький коктейль.

И когда Армстронг вошел в комнату, когда его взгляд встретился с моим, когда я увидел, как полуобнаженная Мел смотрит на него ошарашенными глазами, я испытал моральное удовлетворение, и оставил их один на один в этой напряженной ситуации. Как Мел дрожащими губами оправдывается перед ним.

И был уверен, что Дину это не понравится, потому что в нём живёт тёмная, необузданная часть, которую он тщательно прячет под маской спокойствия и уверенности, но которая всё равно прорывается наружу в моменты, когда он чувствует угрозу, когда видит, что кто то другой может быть ближе к Мел, чем он сам. И этот *кто-то* - будет ближе...

В остальном я буду смотреть по обстоятельствам — никуда не торопясь и просто наслаждаясь жизнью. Мел будет в моей власти, она будет под моим контролем, сама того не осознавая. С каждым её шагом, с каждым её обращением ко мне, или моим появлением, она будет всё глубже погружаться в мою паутину, пока не поймёт, что выбраться уже невозможно.

Некоторое время спустя

Я сидел за своим рабочим столом, окружённый тишиной, которая обычно помогает мне сосредоточиться, но сегодня эта тишина казалась слишком затяжной, словно в ней растворялись остатки мыслей, которые я пытался удержать под контролем. После смерти матери дом стал странно пустым, и этой тишине я не мог находиться.

Передо мной лежала стопка резюме, аккуратно отсортированных по дате поступления из агентства, в которое обратился две недели назад. Я медленно перелистывал их одно за другим, пытаясь найти среди десятков безликих анкет ту, которая вызовет во мне хоть какое-то ощущение правильности, ту, что позволит мне почувствовать, что дом снова станет домом, а не холодной коробкой, наполненной воспоминаниями. Большинство резюме были одинаковыми, словно написанными под копирку, с одинаковыми фразами о пунктуальности, ответственности и умении работать в семье, и я уже начал думать, что придётся выбирать из посредственности, когда взгляд упал на одно резюме, которое выделялось не содержанием, а почему-то фотографией.

На меня смотрела молодая женщина с длинными светлыми волосами, которые мягкими волнами спадали на плечи, с выразительными голубыми глазами, в которых было что то одновременно уверенное и ускользающее, с внешностью, которая заставляет мужчину на секунду задержать взгляд, даже если он не склонен обращать внимание на подобные вещи. Она была эффектной, красивой, ухоженной, стройной, но не вульгарной, не вызывающей, а скорее той, что умеет подать себя в любой ситуации, не переступая грань между роскошью и пошлостью.

Я медленно провёл взглядом по строкам её резюме, и чем дальше читал, тем сильнее понимал, что это одна из тех анкет, которые появляются редко, словно случайный подарок судьбы.

Анджелина Брукс.

Опыт работы был безупречным, рекомендации безукоризненными, навыки впечатляющими, а стиль изложения довольно аккуратным, грамотным, уверенным. Она явно умела работать с людьми, умела держать себя, умела производить впечатление профессионала, и я почувствовал, как внутри меня зарождается ощущение правильности, которого я ждал весь вечер. Анджелина Брукс, тридцать лет, гражданка США, опыт работы в частных домах. Сначала работала у пожилой пары в Лондоне, в районе Кенсингтон, где ухаживала за престарелыми супругами и вела всё хозяйство. Потом переехала обратно в Штаты и устроилась в семью банкира в Бостоне, где проработала три года, пока семья не перебралась в Европу. Всё выглядело идеально — слишком идеально, чтобы не проверить.

Я снял трубку и набрал первый номер. Лондон. Ответил мужской голос с аристократическим британским акцентом. Я представился, назвал имя мисс Брукс и спросил, может ли он подтвердить её работу в его доме. На том конце провода воцарилась короткая пауза, а затем голос, полный достоинства и сдержанной теплоты, произнёс:

— ...Мисс Брукс была лучшей горничной, которую мы когда-либо нанимали. Она ухаживала за моей женой в последние месяцы её жизни с такой преданностью и заботой, что мы считали её членом семьи. Если бы не её собственное желание вернуться в Штаты, мы бы никогда её не отпустили. Я даю ей самую высокую рекомендацию, мистер Вуд. Вам невероятно повезло.

Я поблагодарил его и повесил трубку, чувствуя странное удовлетворение. Затем набрал второй номер. Бостон. Женский голос, характерная деловая речь. Жена банкира, как она представилась, говорила со мной, явно торопясь.

— Анджелина Брукс? О, вам невероятно повезло, мистер Вуд! Она вела наш дом так, что я могла полностью сосредоточиться на работе, зная, что всё под контролем. Честно говоря,

когда мы переезжали в Цюрих, я предлагала ей поехать с нами, но у неё были свои планы. Если вы её нанимаете, держитесь за неё обеими руками. Таких, как она, днём с огнём не сыщешь.

Я положил трубку и откинулся на спинку кресла. Всё сходилось. Рекомендации были не просто хорошими — они были восторженными. Я взял ручку и поставил галочку напротив её имени, довольствуясь, что мой дом снова обретёт порядок и уют.

И не стал медлить.

Сразу же набрал номер, указанный в анкете, и, пока гудки тянулись в тишине моего кабинета, я поймал себя на том, что неожиданно волнуюсь, хотя это всего лишь разговор и приглашение на собеседование, обычный рабочий звонок, который я делал сотни раз, но почему то именно сейчас воздух вокруг меня стал каким-то душным.

На третьем гудке линия щёлкнула, и в динамике раздался мягкий женский голос, удивительно спокойный, почти с незаметной улыбкой, которую можно услышать, даже не видя человека.

— Алло?

Я на секунду задержал дыхание, потому что голос оказался не просто приятным, а каким-то даже ласковым.

— Добрый вечер, это Брендон Вуд, — произнёс я, сохраняя деловой тон. — Я звоню по поводу вашего резюме, которое мне передали из агентства.

На том конце линии повисла короткая пауза, но не неловкая, а скорее внимательная, будто она оценила моё имя.

— Очень приятно, мистер Вуд, — ответила она с той интонацией, в которой чувствовалась уверенность женщины, привыкшей держать себя достойно.

— Ваше резюме среди всех, что я просмотрел, показалось мне самым основательным. Опыт, рекомендации, навыки, всё выглядит безупречно... — сказал я, медленно перелистывая страницы, хотя знал их уже почти наизусть.

— Спасибо. Я стараюсь относиться к работе серьёзно, — её голос стал чуть теплее, мягче. — Я работала в домах, где требовалась абсолютная аккуратность, а так же умею принимать гостей в доме на случай деловых встреч...

— Это именно то, что мне нужно, — признал я, чувствуя, как внутри появляется ощущение правильности, которое редко подводит меня в делах. — Дом большой, работы у меня много, бывают и деловые фуршеты, и бывает я подолгу отсутствую. Мне нужен человек, на которого могу положиться и оставить дом, ни о чём не беспокоясь.

Она снова сделала короткую паузу, будто пыталась понять меня глубже, чем позволял формат телефонного разговора.

— Работать у вас, мистер Вуд, будет для меня большая честь, — сказала она тихо.

Эта фраза почему-то задела меня. Если я влиятельный адвокат, то это вовсе не значит, что передо мной нужно пресмыкаться, даже несмотря на то, что она горничная. Мне важно, чтобы человеку тоже было комфортно находиться в моём доме.

— Когда бы вы могли прийти на собеседование ко мне? — спросил я, стараясь вернуть разговор в деловое русло.

— Завтра, — ответила она без колебаний.

— Тогда завтра в десять утра, — сказал я, чувствуя, как решение окончательно оформляется внутри. — Адрес я отправлю вам сообщением.

— Хорошо. Благодарю вас за звонок, мистер Вуд. До завтра.

Линия на том конце оборвалась. Я ещё несколько секунд сидел, глядя на телефон, и чувствовал, как внутри меня едва заметно дрогнуло ощущение, что с этого момента в моём доме будет хотя бы уют.

Глава 8

БРЕНДОН ВУД

Я ждал её появления с деловым настроением, который обычно сопровождает меня в подобных ситуациях, но когда часы на стене пробили десять, и я услышал лёгкий, почти неслышимый стук в дверь, то почему-то разволновался. Словно это не она, а я пришел к ней на собеседование. Я открыл массивную входную дверь особняка и увидел девушку. Она любезно кивнула, и мы приветственно протянули друг другу руки.

— Здравствуйте, Мистер Вуд. Я очень рада нашей встрече, — улыбается она ослепительной голливудской улыбкой. Её голос оказался таким же, как в телефонном разговоре: мягким, ровным, уверенным, с едва уловимой теплотой, которая не переходила в фамильярность.

— Здравствуйте, мисс, Брукс. Прошу, проходите...

Анджелина вошла в дом. Она двигалась плавно, с естественной грацией, которая не выглядит наигранной, а скорее кажется частью её природы. Длинные светлые волосы мягко спадали на плечи, ловя свет из окна, и на секунду мне показалось, что девушка будто светится сама по себе.

Она остановилась у стола, и я заметил, насколько у нее стройная подтянутая фигура. Возможно, что в прошлом она имела модельный опыт или посещала балетную школу. В любом случае она — чудесна и изящна. Такую горничную даже было бы не стыдно показать гостям. Платье нежного кремового оттенка сидело на ней безупречно. Оно не бросалось в глаза сложным кроем или дорогой отделкой, не пыталось затмить свою хозяйку, а лишь подчёркивало то, что и без того невозможно было не заметить. Лёгкая ткань мягко повторяла очертания её фигуры, а сдержанный силуэт придавал образу особую утончённость.

— Прошу, присаживайтесь, — в гостиной я жестом указал на кресло напротив, и Андж, держа спину, скромно присела.

— Благодарю, — ответила она.

Я позволил себе небольшую паузу, разглядывая её. Андж выдержала мой взгляд, не отводя глаз, но и не глядя с вызовом.

— Признаться, из всех кандидатов, чьи резюме я просмотрел, ваш опыт показался мне самым интересным. Бостон, Лондон... это не самый типичный маршрут для горничной.

— Я не ищу типичных маршрутов, мистер Вуд, — ответила она с лёгкой полуулыбкой. — Мне нравится работать там, где от меня требуется больше, чем просто уборка. В Бостоне я вела хозяйство так, что миссис Гринвуд могла полностью сосредоточиться на своих благотворительных проектах. А в Лондоне... там была особая атмосфера. Пожилые люди требуют не только порядка, но и уважения к своим привычкам.

— Андж, мне просто нужен человек, который может создать уют в доме и организовывать деловые ужины, фуршеты, встречи с клиентами. Человек, который сможет устроить всё это без моего участия. И больше ничего.

Она кивнула, и я заметил, как её пальцы чуть крепче сжали сумочку, лежащую на коленях. Не нервно, а по-деловому.

— Да, конечно. В Бостоне в семье банкиров у миссис Гринвуд часто проходили приёмы. Я также привыкла работать с кейтеринговыми службами, знаю, как составить меню, как расставить персонал. Если нужно, могу оставаться незаметной, но контролировать всё, что происходит во время делового ужина.

Я кивнул, отмечая про себя, что она говорит о своей работе без лишней скромности, но и без хвастовства, а просто констатирует факты, которые, очевидно, были частью её реального опыта.

— Это ценно, — заметил я. — Просто у меня бывали случаи, когда приём срывался из-за того, что персонал не понимал, кто за что отвечает. Мне необходимо, чтобы в доме был человек, который знает всё — от меню до того, в какой момент подавать напитки. — Мне важно, чтобы дом, в котором я живу и работаю, был местом порядка, уюта и уважения.

Она чуть подалась вперёд, и в её голосе промелькнуло что-то похожее на азарт.

— В Лондоне, когда пожилые мистер и миссис Ньюман ещё принимали гостей, я лично следила за тем, чтобы их вечера проходили по высшему разряду. Им было важно, чтобы всё выглядело безупречно, и я знала, что они доверяют мне.

Я сделал мысленную пометку — всё сходилось с тем, что было в её резюме. Более того, эти люди действительно существовали, я проверял, когда обзванивал этих людей.

— Хорошо. Решение мною принято, — произнёс я наконец. — И, так как жить вы будете в моем доме, то разумеется, у вас будет своя комната. Выходные — по договорённости. А помимо той зарплаты, которую вы обсуждали с агентством, я буду щедро доплачивать еще поверх за хорошо проделанную работу. Вас устраивает мое предложение?

— Полностью, — она улыбнулась, я был рад ее согласию хотя бы потому, что деньги мне тратить было не на кого.

— Вы приняты. Добро пожаловать в мой дом, мисс Брукс, — уверенно сказал я, поднимаясь с кресла. — Позвольте, я покажу вам вашу комнату. Она на втором этаже в левом крыле. Идемте.

Она кивнула, и я жестом пригласил ее следовать за мной.

Андж поднялась легко и последовала за мной на высоких каблуках по коридору, ступая тихо, почти бесшумно.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж.

— Ваша комната здесь. — Сказал я, открывая дверь в одну из гостевых спален, просторную, светлую, с большим окном, выходящим на сад. — Можете осмотреться.

Андж вошла внутрь, огляделась медленно, внимательно, но без навязчивости, словно оценивая пространство не с позиции гостя, а с позиции человека, который умеет превращать дом в место, где всё работает так, как должно.

— Как вам? Все устраивает? — на мои вопросы Андж обернулась с легкой улыбкой, отчего я почувствовал себя нудным болваном. — О, нет, не хочу показаться вам занудным, мэм, я просто хочу, чтобы вам было комфортно на время проживания в моем доме.

— Комната прекрасная. — В её голосе прозвучала искренняя благодарность. — Спасибо, мистер Вуд.

Она была идеальным кандидатом. Она была спокойной, собранной, профессиональной. Она была тем человеком, который мог вернуть дому порядок. И я чувствовал, что сделал правильный выбор.

— Я очень рад. Тогда я вызову моего водителя, Томас отвезет вас в город, а завтра приедет за вами в восемь утра.

— Хорошо, тогда до завтра, мистер Вуд.

— Я провожу вас.

Она кивнула и вышла из комнаты, а я тихо закрыл дверь и спустился вниз вслед за Андж, чувствуя, на душе некий покой.

Утро началось непривычно тихо. Я сидел в кабинете, перелистывая документы и время от времени задерживая взгляд на очередной странице, хотя почти не вчитывался в текст. Мысли упрямо возвращались к одному и тому же: сегодня в доме появится новый человек. Само по себе это не должно было иметь для меня никакого значения. И всё же я ловил себя на том, что думаю о ней чаще, чем следовало бы. Об Анджелине.

При воспоминании о ней перед глазами невольно возникал её образ: спокойный взгляд, уверенная манера держаться, лёгкая улыбка. В ней было что-то располагающее, что-то, заставлявшее обращать внимание даже тогда, когда для этого не было никаких причин.

Именно поэтому я старался пресекать подобные мысли сразу, как только замечал их. Она должна была стать сотрудницей моего дома, не более. Любые другие отношения лишь усложнили бы ситуацию ещё до того, как она успела бы начаться, да и мне это не нужно было.

Около девяти утра со стороны подъездной дорожки донёсся негромкий шум двигателя. Я сразу понял, кто приехал. Томас всегда водил одинаково. Уверенно, без резких манёвров и лишнего шума, словно даже автомобиль в его руках двигался с присущим ему чувством такта. Обычно я предпочитал садиться за руль сам и пользовался его услугами лишь в тех случаях, когда обстоятельства того требовали, поэтому его появление в такой час не осталось незамеченным.

Держа в руках чашечку кофе, я поднялся с кресла, подошёл к окну и отодвинул край занавески. Внизу, у главного входа, плавно остановился чёрный «Лексус». Двигатель затих, а через несколько секунд из машины вышел Томас и, как всегда, первым делом окинул взглядом дом, прежде чем направиться к входной двери.

Дверца авто открылась, и Анджелина легко выбралась наружу. Ветер тут же подхватил несколько светлых прядей, заставив их скользнуть по её плечам. Она выглядела точно так же, как на собеседовании: собранной, уверенной в себе и удивительно спокойной для человека, который только что приехал в совершенно новое место.

Томас открыл багажник и принялся выгружать её вещи. Чемоданы были немногочисленными, но аккуратными, тщательно подобранными и явно собранными человеком, привыкшим к порядку. Я невольно отметил эту деталь. О людях часто можно многое понять ещё до того, как они начинают говорить. Сама Анджелина стояла чуть в стороне, наблюдая за происходящим без суеты и нетерпения. Она не бросалась помогать, не пыталась руководить процессом и не выглядела смущённой чужой заботой. На её губах играла лёгкая, едва заметная благодарная улыбка. Будто она принимала происходящее как нечто естественное, не требующее особого внимания.

Я вышел на крыльцо, и Андж подняла на меня добролушный взгляд.

— Доброе утро, мистер Вуд. — Сказала она с улыбкой, и её голос прозвучал так же мягко, как вчера по телефону, но теперь в нём было больше тепла, будто она позволила себе чуть больше открытости.

— Добро пожаловать, мисс Брукс, — ответил я, кивнув Томасу, чтобы он отнес вещи в ее комнату.

— Андж.

— Что?

— Зовите меня просто Андж.

— Хорошо, так даже будет лучше. Надеюсь, поездка была комфортной?

— Очень. Ваш водитель настоящий профессионал. — Она сказала это без попытки польстить, просто констатируя факт.

Мы вошли в дом, и я почувствовал, как пространство будто резко оживилось. Томас поднял её вещи наверх, а я жестом пригласил её следовать за мной.

— Я покажу вам дом полностью. — Сказал я, указывая рукой вперед, и она кивнула, ступая тихо.

Мы начали с большого просторного холла с высоким потолком, который поднимался почти до второго этажа. Свет из огромных окон падал на мраморный пол, отражаясь мягкими бликами, и я заметил, как Анджелина на секунду задержала взгляд на этой игре света, будто оценивая роскошь.

— Этот дом построен почти десять лет назад, — начал я, медленно ведя её вперёд. — Моя мать лично занималась планировкой и дизайном. Она любила простор, свет и тишину.

— Простите, любила?

— Да, к сожалению, не так давно она умерла...

— Ой, простите, и примите мои соболезнования...

— Спасибо...

Мы прошли в просторную, уютную гостиную. Мягкие диваны и глубокие кресла располагались вокруг камина, облицованного тёмным камнем, а высокие окна от пола до потолка открывали вид на ухоженный сад, утопающий в зелени. В комнате витал едва уловимый аромат дерева, кожи и выдержанного виски, который за годы настолько впитался в стены и мебель, что стал частью самого дома.

— Гостиная... сердце дома... — сказал я, наблюдая, как Андж медленно проводит взглядом по полкам с книгами, по картинам, по камину.

Девушка кивнула.

Мы прошли дальше в столовую. Центр просторной комнаты занимал длинный дубовый стол, отполированный до мягкого блеска, над которым висела массивная люстра, заливавшая пространство тёплым золотистым светом. Высокие окна выходили в сад, где среди зелени виднелась светлая беседка. Её окружали аккуратно подстриженные кусты и цветники, за которыми с почти фанатичной преданностью ухаживал пожилой садовник, появлявшийся здесь каждую неделю независимо от погоды.

— Здесь проходят ужины с деловыми партнерами, — сказал я. — Поэтому порядок должен быть идеальным, впрочем, как и везде.

Мы вошли на кухню, где белые фасады шкафов тянулись вдоль стен ровными линиями, а тёмный камень столешниц добавлял интерьеру строгости, а массивный островок в центре делал помещение похожим скорее на бар, чем просто на комнату для приготовления еды.

В воздухе витал аромат кофе, хотя бы потому что я его недавно сварил себе сам.

— Вот. Это кухня. В моем доме должен быть завтрак, обед и ужин. Меню согласовываете со мной.

— Разумеется, мистер Вуд.

— Прекрасно. Да, кстати, вон та небольшая дверь ведет в техническое помещение, где все имеется для уборки. Если чего то не хватает — скажите. Я обеспечу.

Она провела рукой по гладкой поверхности стола, будто проверяя качество материала, и тихо сказала:

— У вас очень красивый и дорогой дом.

— Благодарю, Андж.

Мы двинулись дальше по широкому коридору. Стены здесь были почти полностью заняты фотографиями и картинами, которые собирались годами. На одних снимках были запечатлены семейные моменты, на других — деловые встречи с людьми, сыгравшими важную роль в моей жизни. Мы поднялись на второй этаж, прошли мимо моей спальни, мимо кабинета, мимо комнат, пока не подошли к двери, ведущей на просторный балкон.

— Здесь лучший вид на сад. — Сказал я, открывая дверь.

Стоило Андж выйти на балкон, как ветер мягко тронул ее волосы. Внизу, за каменной балюстрадой, простирался ухоженный сад. Гравийные дорожки, безупречно ровные, огибали клумбы с розами всевозможных оттенков и вели к центральной точке — фонтану, чья вода в этот час была похожа на жидкое золото. В центре этого зелёного королевства, окружённый

невысокими кустами самшита, он тихо журчал днем, а ночью словно убаюкивал. Вдоль дорожек темнели аккуратно подстриженные кусты, а по периметру высились туи, отгораживая участок от соседних домов и создавая ощущение полной уединённости. В воздухе пахло влажной землёй и цветущими магнолиями.

— Красиво, — тихо сказала она.

— Теперь вы видели всё. Сад обслуживать не нужно им занимается специально обученный этому человек. — Сказал я наконец. — Если возникнут вопросы — обращайтесь.

— Спасибо, мистер Вуд. Уверю, ваш дом в надежных руках.

— Что ж, не сомневаюсь.

Мы покинули балкон, прошли по коридору второго этажа, и я остановился у двери в свой рабочий кабинет. Место, где я проводил большую часть своей жизни. Здесь принимались решения, от которых зависели чужие карьеры, состояния и судьбы. Здесь я засиживался до рассвета, перебирая документы под светом настольной лампы, и именно здесь строилась репутация человека, которого многие считали одним из лучших адвокатов Нью-Йорка. Но и также место, где я решал не только адвокатские вопросы, но и то, что не подлежит обсуждению и обществу.

Я не просто адвокат, которого так хорошо знает Мелисса и чью профессию с таким восхищением превозносят люди из моего окружения. Потому что иначе откуда бы у меня появилось такое состояние? Даже моя покойная мать не знала всей правды. Для неё я оставался всего лишь лучшим адвокатом Нью-Йорка — человеком, который выигрывал сложные дела и умел находить выход там, где другие видели только тупик.

Но правда была гораздо глубже.

Я не только защищал интересы людей. Я создавал конструкции, в которых исчезали следы, менялись владельцы, а миллионы переходили из одних рук в другие так незаметно, что никто не мог понять, где заканчивается закон и начинается тень. Моя подпись стояла на документах, которые открывали двери в закрытые финансовые миры, на соглашениях, способных уничтожить одни империи и построить другие, на контрактах, после которых вчерашние союзники становились врагами. И это было абсолютной правдой.

Я открыл дверь и жестом пригласил Анджелину войти. В центре стоял массивный письменный стол из красного дерева, тяжёлый и устойчивый, с идеально ровной поверхностью, на которой не было ничего лишнего: только ноутбук, кожаная папка, несколько аккуратно сложенных документов и серебряная ручка, подаренная мне матерью. Справа от стола высился широкий книжный шкаф, заполненный деловыми томами, юридическими справочниками и старыми изданиями, которые я никогда не выбрасывал, потому что они были частью моей жизни. Слева, в тени, скрывался небольшой барный шкаф, где стояли несколько бутылок дорогого виски, которые я открывал только в особые моменты, но чаще всего эти моменты случались в одиночестве, когда тишина кабинета становилась единственным собеседником.

Анджелина медленно прошла внутрь, не касаясь ничего руками, но взглядом отмечая каждую деталь. Она остановилась посреди кабинета, и я увидел, как её глаза скользят по корешкам книг, по серебряной ручке на столе, по тёмному дереву панелей, впитывая этот интерьер.

— Это, как я полагаю, ваш кабинет? — спросила она тихо.

— Да, — ответил я, проходя внутрь и останавливаясь у стола, — Здесь я работаю. Провожу большую часть времени, когда мне нужно сосредоточиться и когда мир за стенами этого дома перестаёт существовать.

Она подошла ближе к окну, и устремила взгляд в сад, где утреннее солнце уже начало окутывать светом территорию. А затем я заметил, как её взгляд задержался на цифровом сейфе, встроенном в стену, аккуратно, почти незаметно, но всё же видимом для внимательного глаза. Разумеется, она не спросила, что там, и это было правильно.

— Вам нужно будет убирать здесь три раза в неделю, — сказал я, возвращая разговор в рабочее русло, — Но только тогда, когда я нахожусь в доме. Не люблю, когда в этот кабинет входят без моего ведома, поэтому ключ от него только у меня и здесь нам придётся согласовывать время.

— Я учту это, — ответила она спокойно, и я почему-то не сомневался в её словах. В ней было какое-то редкое сочетание исполнительности и собственного достоинства, которое либо говорит о хорошем воспитании, либо о многолетней привычке скрывать свою настоящую суть.

Она снова огляделась, медленно, внимательно, будто запоминая расположение предметов, их порядок.

— Что ж, если вы готовы, то можете распаковать свои вещи в комнате, — произнёс я, и она повернулась ко мне, встречая мой взгляд спокойными, уверенными глазами, в которых не было ни заискивания, ни страха. — Да, и еще, позвольте мне услуги вашей красоты оплачивать отдельно. Считайте, что это будет дополнительным соглашением к вашему контракту. Просто бонусом за безупречную работу. И, если честно, мне будет спокойнее знать, что человек, который следит за порядком в моём доме, не отказывает себе в маленьких женских радостях. А Томас, мой водитель, он также доставит вас в любую точку города, отвезет и привезет, так что, расходы на транспорт я тоже беру на себя.

Она на мгновение замерла, и я увидел, как что-то дрогнуло в её глазах. Андж явно не ожидала услышать от меня ничего подобного. Возможно, думала, что я сухой, расчётливый адвокат, который видит в ней лишь прислугу. И сейчас, когда я сказал то, что сказал, она не знала, как реагировать.

— О, мистер Вуд, это слишком щедро с вашей стороны, я так не могу.

— Прошу вас, не отказывайтесь. По правде, я человек не самый весёлый, и компания у меня в основном дела и юридические документы. А мне просто хочется иногда делать для кого-то что-то приятное. Без расчёта. Без обязательств. Хотя бы просто потому что я одинок.

— Честно говоря, я не привыкла, чтобы кто-то делал для меня что-то просто так, — добавила она тихо, и в её словах промелькнула уязвимость. — Обычно у всего есть цена...

Я выдержал короткую паузу, прежде чем ответить.

— Да, вы правы, у всего есть цена. Но не всякая плата измеряется деньгами, мисс Брукс. Ваша благодарность будет достаточной для меня наградой. И если однажды вы просто улыбнётесь, проходя мимо, или просто поговорите со мной, считайте, что я в плюсе.

Она помолчала, обдумывая мои слова, явно колеблясь.

— Что ж, — произнесла она наконец, — если это действительно так, мистер Вуд, то я не буду спорить. Я не привыкла принимать подарки, но постараюсь привыкнуть. Спасибо.

— О, я вас этим обидел?

— Нет, мистер Вуд. Вы не обидели меня. Скорее... удивили.

На ее лице появилась смущенная улыбка.

— Возможно, вы просто слишком долго жили среди людей, которые видели в вас только прислугу, а не живого человека, — произнёс я, не сводя с неё глаз. — Я не из таких. И если вы останетесь в этом доме, вы это поймёте.

Андж чуть опустила взгляд, и я заметил, как её пальцы чуть дрогнули. А я уже и сам того не понимал, как в открытую своими предложениями загонял эту леди в смущение.

— Постараюсь. Спасибо, мистер Вуд. За это... и за всё остальное.

— Пока не за что, мисс Брукс. Но я рад, что мы поняли друг друга.

Она выпрямилась, возвращая себе тот спокойный, деловой вид, с которым вошла в этот кабинет.

— А теперь, если позволите, я приступлю к распаковке вещей, а затем к своим обязанностям.

— Да, конечно, Андж, не буду вам мешать.

Она кивнула. Мы вышли из кабинета, а я наконец налил себе немного виски, позволив тишине обнять мои плечи, и впервые за долгое время расслабиться.

Глава 9

МЕЛИССА АРМСТРОНГ

В бизнесе мой отец никогда не играл по правилам. Честность для него была не добродетелью, а слабостью, которую он презирал. На таких людях, как он, наверное, и держатся империи, переживающие любые кризисы: построенные не на доверии, а на хитрости, не на прозрачности, а на умелом маневрировании между законом и тем, что принято называть «серой зоной».

Но однажды что-то в его тщательно выстроенной системе дало трещину. Что именно — я так и не узнала. Будучи семнадцатилетним подростком, я лишь видела последствия, как отец стремительно распродал больше половины своих ведущих активов, будто спасал не бизнес, а собственную шкуру. А потом исчез. Уехал с любовницей в Италию, оставив нас с матерью и одну квартиру, записанную на меня, в мегаполисе, словно последнюю подачку, чтобы мы не замерзли на улице, но и не забыли, кто здесь хозяин. И то, теперь эту квартиру пришлось продать.

Я не как мой отец. Я не унаследовала его таланта к аферам, его любви к теневым схемам. Моя стратегия проста и прозрачна до банальности: я работаю. Вкладываю время, силы, душу — и получаю ровно то, что заслужила. Без обмана. Без компромиссов с собственной совестью.

Бюти индустрия всегда казалась мне неиссякаемым источником дохода. Сферой, где красота превращается в стабильность, а талант в деньги. Но даже самый перспективный бизнес требует труда, времени и вложений, особенно если строишь его с нуля. После продажи квартиры у меня еще оставались сбережения. И я хотела вернуться к тому, что любила: макияж, стиль, работа с людьми, создание образов. У меня были навыки, опыт, понимание того, как устроен этот рынок и на чём держится успешный салон.

И понимала: если не возьму ответственность на себя, если не начну зарабатывать достойно, мы просто так и будем стоять на одном месте. Поэтому я рискнула.

Будучи человеком с чисто военной специализацией, Дину теперь было тяжело привыкнуть к гражданской жизни. Он словно не умел жить вне приказов, вне формы, вне той структуры, где всё было понятно и подчинено правилам. И пусть я не до конца понимала его военный мир, я уважала своего мужа, каким бы трудным ни был наш путь.

Отомстив за меня, он потерял не просто статус военнослужащего. Он потерял часть себя. Для Дина служба была не работой, а смыслом, опорой, идентичностью. И лишиться этого означало лишиться собственного отражения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.